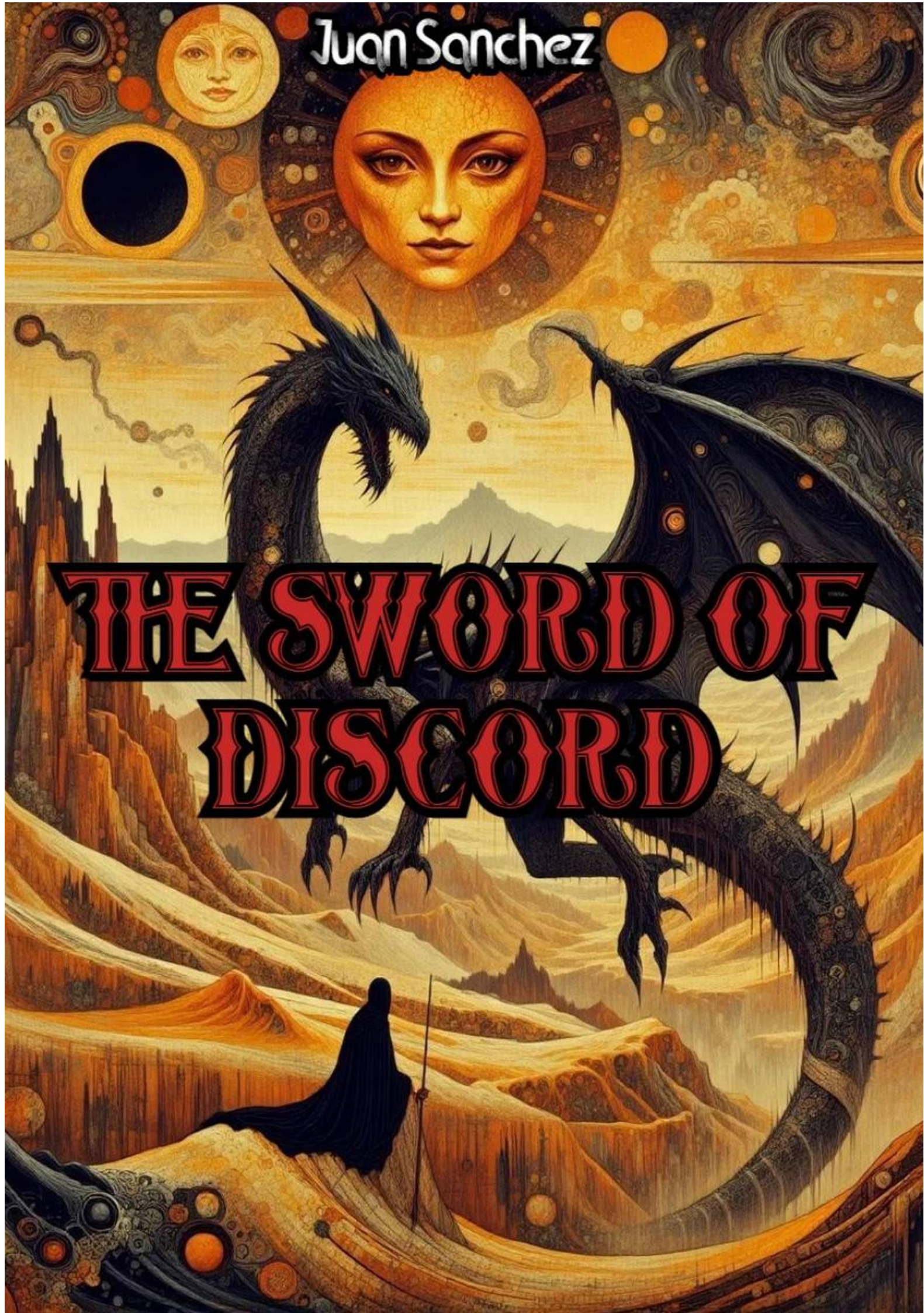

Juan Sanchez

THE SWORD OF DISCORD

Хуан Санчес

The Sword of Discord

«Автор»

2026

Санчез Х.

The Sword of Discord / Х. Санчез — «Автор», 2026

Времена Героев прошли, все пророчества об избранных исполнились, и теперь, когда от бывшего мира остались лишь обрывистые записи, кроткие унаследовали землю. Люди больше не совершают великих подвигов, и держатся подальше от всего, что важнее полного желудка и тёплой постели. Но древнее зло неистребимо, оно до сих пор гуляет по свету, и стучится в двери всякого, кто позабыл слово "Герой"

© Санчез Х., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	39
Глава 8	46
Глава 9	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Хуан Санчез

The Sword of Discord

Пролог

В ту безлунную ночь, когда первый человек вышел из Великой рощи наравне с остальными животными, и под оглушительные раскаты грома приручил ударивший в землю огонь, начался долгий путь к покорению стали, и путь этот ознаменовал рождение мечты человека возвыситься над своим животным началом, стать хозяином своей судьбы. А в тот торжественный миг, когда церемониальный меч опустился на плечо первого из рыцарей, мир словно бы взорвался – началась эпоха приключений, завоеваний, крестовых походов, магии и драконов. Многие Герои рождались и погибали тогда, обретая вечную жизнь на страницах летописей.

Но те времена прошли. Герои забыты, книги истлели, а мечи проела ржавчина. Пыль улеглась, и люди открыли глаза на свой новый мир: даже развалин не осталось от загадочно исчезнувших империй, а было лишь твёрдое осознание тщетности бытия. Короли, лорды, простые крестьяне – каждый слой нового общества хотя бы раз падал на колени, вопрошая, что он, ничтожный человечишка, может сделать, и в ответ всегда слышал лишь завывание ветра, предвещающее наступление очередной зимы. Пускай беспросветная, пускай серая и бессмысленная, жизнь продолжалась, так же неумолимо, как сменялись времена года. Люди заново расселялись по материку, новые империи были основаны за тринадцать долгих веков. Началась Последняя эпоха – время фатализма, разрухи, и чёрствых сердец.

Глава 1

На обширных низменностях королевства Нерей, между двумя графствами построили деревню переселенцы из лесного края, что к югу от величественного горного массива под названием Корона Нерей. Им совсем не хотелось покидать свою родину, и обидно было терпеть всяческие невзгоды, от которых надёжно укрывали их до сих пор великаны-деревья. На равнине, где они сколотили новые дома и амбары, жилось тяжело, но по-настоящему суровые времена пришли с наступлением долгой зимы, сковавшей королевство на целый год, от чего многие полегли, а выжили только самые сильные и хитрые.

На едва оттаявшей земле семена росли плохо, редкий урожай мог порадовать глаз. Людям приходилось браться за любую работу чтобы выжить, и очень часто молодые мужчины и женщины становились разбойниками. Однако, чем бы ни занимались переселенцы, им всё же приходилось возвращаться домой, к своим семьям, и несли с собой не только еду, но и шрамы на сердце. За неимением отдушины, побоями вымещали они затаённые обиду и злость в пределах деревни, из года в год, пока ожесточённость не впиталась с молоком матери в их детей и внуков. Для такого большого королевства как Нерей эта история не в новинку, очень часто его подданные страдали и заставляли страдать других, но бывали и исключения. Одним из таких счастливчиков был рождённый в грозу мальчик, простой крестьянский сын. О нём и пойдёт наш рассказ.

Самым первым его воспоминанием был витающий в воздухе аромат полевых цветов, подхватываемый едва холодным летним бризом. Затем возникали перед внутренним взором искрящиеся на солнце ручьи, ультрамариновыми лентами прорезающие хвойные леса и изумрудные луга, на которых рос четырёхлистный клевер, а ночью порой распускались в высокой траве светящиеся бледной желтизной похожие на колокольчики цветы. Те безмянные края насквозь пропитаны магией, столь древней, что и не представить. Он помнил, как белые облака проносились над головой, помнил звонкое пение птиц, неправдоподобно свежее дыхание ветра. Он чувствовал, что там его настоящий дом.

И он также помнил о взаимосвязи витания в облаках и получения взбучки от одного из родителей, поэтому быстро встал с порога, и пошёл в курятник, проверять наседок. Той ночью лиса уже утащила курицу, и, если по возвращению из города мать не досчитается ещё одной, все камни полетят отнюдь не в рыжую бестию, а в этого несносного семилетнего нахлебника с богатым воображением. Каково же было его удивление в тот момент, когда он застал в установленных матерью силках не петуха и не соседскую кошку, а лису, притом ещё живую. Конский волос крепко впился в её взъерошенный рыжий мех, в уголках широкой пасти уже начала собираться пена, — животное явно пыталось вырваться из смертельной ловушки, но силки лишь сильнее затягивались вокруг шеи воришки. Он слышал от родителей, что лисы по природе своей хитрые и осторожные, но, видать, бывают и исключения. Ему говорили, что лисы — вредители, отбирающие у честных людей так необходимое для выживания имущество. А ещё он слышал, что лиса — это нечто среднее между кошкой и собакой, а собаки, — как говорил его покойный дедушка, — существа подневольные, вечно страдающие от людей, которым они так искренне преданны. Он освободил лису, и даже принёс ей миску молока. Хотел дать ей поесть и кусочек заплесневелого сыра, но, вернувшись к курятнику во второй раз, не застал там ни лисы, ни молока. Если родители узнают о том, что он сделал, наверняка закатят жуткий скандал, и не скупятся на тумачи. Так как отец рубил лес, работу руками он всегда оставлял на мать, а сам пускал в ход только сапоги. Пнуть гадёныша в угол, чтобы мать могла в исступлении дёргать его за волосы и хлестать по незакрытым руками местам, — вот она, всем отдушина отдушина.

Но он всё же любил родителей, потому как знал, что они бы никогда не стали бросаться на него без причины, а причиной почти всегда становилось его поведение.

- Эй, ты!

Он отзывался на эти два слова даже когда обращались не к нему, ведь собственного то имени он не имел.

Как и ожидал соседский мальчишка, «Эй-ты» бездумно обернулся и получил своё: комок грязи впился прямо ему между глаз. Побежав умыться, он подставил шуплую спину под удар сандалии. Песок противно прилипал к вспотевшим рукам и лицу, вдобавок забивался в нос. Только перевалившись через край бочки с дождевой водой, он смог разлепить глаза и губы, а заодно и высморкаться. Песок, может быть, и осядет на дно бочки, но мать всё равно будет ругаться на пределе громкости своего голоса. Отец же снова будет причитать, как ему не хватает рук, потому что жена его забеременела лишь единожды, к превеликому горю кормильца.

Сколько бы ни мечтало это дитя, которому при рождении позабыли дать имя, он вовсе не будущий герой, а самый что ни на есть простой смертный, каких обитает в этом мире великое множество. Не скакать ему на белом коне, не рубить мечом драконов, а уж о принцессах и

думать не стоит. Уж он то прекрасно видел своё унылое настоящее и грозящее не наступить из-за банального неурожая будущее, и он решительно не хотел мириться с такой участью. Вечно работать в поле, жить впроголодь и мыться раз в неделю? Нет уж, для себя он уже решил, что когда-нибудь, возможно даже очень скоро, вырвется из этого порочного круга, и увидит своими глазами изумрудную траву, сверкающую утренней росой, но до тех пор... нужно помочь отцу с дровами.

В семилетнем возрасте тяжёлую работу выполнять не приходится, пусть родители и закаливают его тело тумаками, но сложить дрова в тележку всё-таки можно, тем более, это – единственное, что ему поручал отец, ежедневно рубивший деревья почти до полного изнеможения. Что до матери, то её стремление поскорей вырастить большого и сильного помощника порой доводило её до травм, оправиться от коих она не смогла бы даже при большом желании. Она не пускала мальчика работать с плугом, волочила его сама, не жалея сил, что, впрочем, никогда не мешало ей ругать сына за то, что не помог ей в этом деле. И как бы родителей паренька ни уважали за их трудолюбие, его самого все ненавидели за, казалось бы, врождённые хамство и непоседливость.

- Вода в этой бочке должна быть чистой, а ты что сделал? – кричала мать. – Сколько раз можно повторять?

Показав матери язык, семилетний ныряльщик окунулся в бочку ещё раз, уже против своей воли. Стоило матери ослабить хватку, как он из неё вырвался и побежал куда глаза глядят, игнорируя несущиеся вдогонку проклятья. Он бежал пока не споткнулся, а разлепив глаза, увидел перед собой камень, хорошо знакомый по предыдущим вылазкам из деревни, а было их немало. На дворе разгар лета, и высокая трава, которой зарастал пустырь, колыхалась в такт дыханию ветра, дувшего мальчику в спину. Трава напоминала шерсть огромного зверя, который незаметно для всех задремал рядом с деревней. Быть может, если позвать его, он отзовется?

- Эй! – крикнул мальчик, взобравшись на камень.

- Эй... - вторило эхо.

- Ты кто?

Ответа не последовало, как он и ожидал.

- А кто я? – спросил он себя, - Никто. Кто ты такой... если ты никто? Пустой звук. Даже имени нет.

Произнесённые сквозь слёзы, слова эти разрывали его сердце на части. Кажется, вот так и пройдёт вся его жизнь – сперва он будет шкодить, затем получать на орехи, и так по кругу до бесконечности. А сны... так и останутся снами.

Три года пролетели как во сне. За это время мальчик успел подрасти и даже обзавестись друзьями, которые, впрочем, не пережили зиму, в отличие от их братьев и сестёр, так удачно пришедших в этот мир чуточку раньше. Летом в деревне остановился караван торгов-

цев – сразу у двух лошадей слетели подковы. А пока караван простаивал, безымянный парнишка узнавал на своей шкуре, что девчонки тоже могут быть задиристыми: одна светловолосая барышня его возраста очень метко бросала камни ему в голову, а когда он всё же решил пойти пожаловаться взрослым, караван отчалил быстрее чем высохла кровь у мальчика на лбу. Зато хотя бы одна девочка в округе не желала его удавить, и то была дочь деревенского проповедника, известного аскета и пуриста. Вся серая и худая, она походила на призрака, но в целом была довольно милой, хоть никогда и не разговаривала с мальчиком. В десятилетнем возрасте он представлял дочь проповедника своей будущей женой, ведь жена необходима в жизни, как табуретка или стакан воды. По крайней мере, отец ему так говорил.

Пусть он уже не получал по башке от родителей, но и работы у него заметно прибавилось. По мере того как угасала мать, ему приходилось помогать ей в поле всё чаще, и, в конце концов, на родительском совете было решено возложить плуг на узкие мальчишеские плечи, так же было и в других семьях, чьи дети могли работать. Мальчик хорошо помнил тяжесть родительских рук, и свои новые обязанности выполнял беспрекословно, и ругался исключительно втихомолку, чтобы никто его ненароком не услышал. К концу лета третьего года он уже не терпел нападки хулиганов, и зеркально на них отвечал, за что ему, конечно же, доставалось вдвойне. Однажды мальчишки подкараулили его за домом и толпой избили, не чураясь плевков и ругательств даже после исполнения вынесенного на общем собрании приговора. Нельзя сказать, что это происшествие научило мальчика чему-то кроме новых бранных слов и методов вправления вывихнутых суставов, он был поистине неисправим. И много раз он был на грани того, чтобы смалодушничать, и обвинить в своих недостатках родителей, которые воспитывали своего наследника исключительно руками и ногами, словно он собака. Стремительно назревала идея покинуть отчий дом и пересечь пустырь на своих двоих, но в решающий час его отцу вдруг захотелось поговорить по душам. Они присели на порог, как садились во все предыдущие разы, когда отец решал, что «пора научить этого сорванца уму-разуму», а бывало такое как минимум три раза в год.

- Сынок, ты верно думаешь, будто старик твой никчѐмен? – прокрихтел отец.

- Нет, папа, - отвечая отцу, мальчик всегда отводил взгляд, отвёл и теперь. Разумеется, такая мысль посещала его голову, но даже заикнуться об этом он не смел, ведь, несмотря ни на что, любил отца, как и положено даже самым несносным детям. Он просто обязан был его любить.

- Надеюсь, ты станешь хорошим дровосеком, потому что сейчас, сын... смотреть на тебя больно, и даже противно. Работу ты делаешь кое-как, и разговариваешь ты больше нежели думаешь, а я тебя не этому учил. Ты должен взяться за ум пока не поздно. Я хочу, чтобы ты прекратил дурачиться и создавать проблемы, хозяйство ведь ляжет на твои плечи, когда нас с матерью не станет. Это может произойти уже в этом сезоне, или через пять, может даже десять. Ты меня слушаешь?

- Да, папа.

- И постарайся найти себе жену, да пораньше. Жена будет вести хозяйство вместе с тобой, и присматривать за ним пока ты будешь в отъезде. Я встретил твою мать в один прекрасный день, такой же как сегодня, да так и бегал за ней тридцать лет, пока первый муж не выкинул её на улицу. Да, мне судьба благоволила, но тебе... ты должен поумнеть, сын, иначе пропадёшь.

- Хорошо, папа.

Громко крикнув, отец поднялся с порога и вернулся в дом, сказав напоследок:

- И не смей больше убегать из дома, мать чуть с ума не сошла. Ещё раз, и я сломаю тебе руку. Только на этот раз по-настоящему.

Понимая, что отец не блефует, мальчик зарёкся никогда больше не покидать деревню. Ему всегда становилось очень паршиво на душе после разговоров с отцом, потому как сводились эти разговоры всегда к тому, что на мальчика, как снег на голову, сваливалось осознание их общей с отцом судьбы. А судьба эта была такова: холодными ночами, лежа на своём тюфяке, прислушивался он к оглушительному храпу родителей, с ужасом представляя, как однажды он затихнет навсегда. И что тогда с ним будет, как он выживет, совсем ещё маленький, в этом холодном и жестоком мире?

К несчастью, его опасения не были беспочвенными. Как и предсказывал отец, взросление вскоре набросилось на мальчика со всей свирепостью: в одну из ночей глава семьи перестал храпеть. Это было неизбежно. Бремя дровосека выпило все силы отца, ведь работал он за троих, а пил ещё больше. Было это концом или только началом его горестного пути, мальчик не знал. Он не плакал на похоронах отца, так как был слишком занят рытьём могилы для него, мать же не могла помочь, и, разбитая многочисленными недугами, беспомощно проливая слёзы на сырую землю, полную жуков и дождевых червей. Покончив с этим мрачным делом, мальчик понял, что ему не по силам приободрить мать, слишком мало в нём было счастья в то время. И всё же он старался как мог, даже услышав однажды от матери, что, умри в тот вечер он сам, замена пришла бы уже через девять месяцев, но со смертью отца едва ли найдётся способ умерить боль от потери ребёнка. Ах, как бы хотел мальчик жить иначе, в семье, в которой родительская любовь выражается хотя бы добрыми словами, как выражалась она у соседей или даже у проповедника с дочерью. Возможно, ему просто не повезло – не может же быть он во всём виноват, хотя бы что-то в этом мире должно зависеть от родителей, разве не так? И всё же, представься случай променять свою ужасную семью на другую, но хорошую, мальчик оставил бы всё как есть. Предать родителей – немыслимо.

Он часто проводил ночи в тревожных думах о грядущей кончине матери, и вполне естественно разволновался ещё сильнее, когда она не умерла. Но и лучше ей не стало – казалось, дряхлое тело матери просто привыкло к своей изломанности, равно как и душа привыкла к тому же состоянию. Мальчик всё же очень радовался признакам жизни в матери, пусть даже эти признаки не всегда были приятными, ведь он смертельно боялся остаться один дома, потому что тогда вся ответственность за хозяйство, да и за собственную жизнь, в одночасье легла бы на его детские плечи, как и говорил ему отец. Впрочем, не всё было так плохо, как казалось на первый, да и на второй взгляд: мать никуда уходить не собиралась, урожай картофеля на их жалком подобии огорода умудрился не погибнуть, а дочь проповедника не проявляла к мальчику враждебности... но и дружить с ним явно не спешила. Так прошёл ещё один долгий, тяжёлый год.

Глава 2

Весна началась с новостей об отгремевшей войне двух феодалов: победоносные пехотинцы всей оравой ринулись домой, а к кому домой – это уж им решать. Отец учил уважать пехотинцев, и не смотреть им в глаза, даже если они сами об этом попросят, ибо негоже фамильярничать со знатными особами. Конечно, парень не проникся бы рассказами о доблестных воинах, не присовокупив к ним отец описание знаменитых мечей, которыми пехотинцы добывают себе славу в бою. Так он однажды нарисовал на земле длинный прямой меч с «гардой, смотрящей вверх и вниз, назад и вперёд», ещё и показал, что такое гарда – это штука между рукоятью и клинком, а нужна она для защиты руки. На вопрос служил ли отец в пехоте, тот оправдывался своим давним желанием завести жену и хозяйство чтобы тихо жить. Мальчик же был сильно удивлён тому, что отец, оказывается, давно планировал свою жалкую жизнь. Однако непутёвый отпрыск не хотел такой участи, он мечтал выбиться в люди, стать пехотинцем и получить удивительный меч, смотрящий вверх и вниз.

- Тогда меня все будут уважать, и работать больше не придётся. Родители пороть не будут, а есть я буду каждый день.

Эти слова принадлежали не нашему герою, а его старому знакомому, метко бросающему грязь. О своих планах на жизнь он рассказывал дочери проповедника и безымянному мальчику. Слушая его, они тоже представляли себя в рядах гордой пехоты, хотя не имели ни малейшего представления о загадочных «ратных подвигах», для них эти два слова были абракадаброй. И так уж случилось, что незадолго до этого к ним в деревню как раз наведался один такой герой. Дети не знали, как его зовут, но для них, – как и для всех остальных жителей, – сразу стало очевидно величие пехотинца: его дородный облик венчала длинная чёрная борода, вероятно, вобравшая в себя все волосы с головы. Не лишним будет упомянуть его высокий рост и полный комплект зубов, неизменно сопровождающий приветливую улыбку. Этот гигант обосновался в пустующем доме на отшибе, и таким образом стал первым встречать возвращающихся из леса дровосеков, взамен семьи, что жила в том доме раньше, но не пережила отгремевшую зиму. А когда почтенный житель выходил за едой, мужчины все как один вскидывали руки в приветствии, а женщины склоняли головы, дети же мечтательно вздыхали, поглядывая на чудесный меч, висящий на поясе. Сей круговорот благоговения казался мальчику новой реальностью, в которой он и его мать будут жить до конца своих дней, но всё в одночасье переменялось в одно туманное утро, когда в деревню въехали двое мужчин верхом на мулах.

Авантюристы – так их называют. В отличие от предыдущего визитёра, эти двое принадлежали к породе людей, которая не пользовалась всеобщим уважением, поскольку в пехоту мужчин набирают по особому указу графа (смерть всякому, кто оспорит его), тогда как авантюристом может стать любой желающий: достаточно прийти в любой большой город, и получить в отделении гильдии нагрудный символ в виде наконечника стрелы, предварительно отсыпав вступительный взнос. Мальчик не знал, что такое вступительный взнос, и откуда его нужно отсыпать, но ему было вполне довольно и простого родительского пояснения: авантюристами становятся разбойники и тунеядцы.

Всадники спешили на центральной улице, если так можно назвать прогалину между нагроможденными тут и там дощатыми и бревенчатыми хижинами. Все крыши соломенные, и ни одной каменной стены, коих вдоволь в городе, откуда и пришли чужаки. Один из них носил на голове непослушные пряди каштановых волос, его друг же был совсем седой, с пря-

мыми волосами до плеч, но выглядел молодо. Как день и ночь, двое авантюристов друг от друга отличались: темноволосый мужчина был широколицый, с хитрыми глазами, одетый в кожаный жилет и сапоги, за спиной лениво болтался тёмный дорожный плащ; у седого было узкое лицо, длинный нос, на котором покоилась диковинка – зрительные стёкла в двойных кольцах, а носил он туфли с застёжками, и матерчатую пелерину с капюшоном поверх тёплой рубахи. Складывалось впечатление, будто своё одяние чужаки отобрали у себе подобных, или же выкрали у зажиточных горожан, пока те спали.

Воры или нет, а встречать их никто не вышел: проповедник спешил укрыть в подвале дочь, другие родители были заняты тем же. Под стук захлопывающихся ставней мужчина в сапогах спешился, и зашагал вдоль хижин по земле, напоминавшей истоптанный коровий навоз; его спутник остался сторожить мулов, хотя ничем свою настороженность не выдавал.

Как и следовало ожидать, безымянного мальчика спрятать не успели, потому что некому было прятать. Воспользовавшись тем, что больная мать наконец уснула, он выскочил из дома, горя желанием посмотреть поближе на заезжих авантюристов. Встреча с ними не заставила себя долго ждать: не пройдя и ста шагов вглубь деревни, статный шатен едва не столкнулся с тщедушным детёнышем в убогом рванье из мешковины, под стать его виду. От страха мальчик застыл как вкопанный, он уже было представил свою собственную могилу рядом с отцовской, но чужак не спешил нападать, наоборот, он обратился с вопросом, ещё и опустившись на одно колено.

- Эй, ты. Не бойся и не убегай, маленький крестьяно. Я отпущу тебя, если скажешь, кто живёт вон в том доме в конце улицы.

Дрожа всем телом, мальчик проследил взглядом, куда указывает нависшая у него над головой рука: палец чужака указывал прямо на его дом. Он смертельно боялся говорить правду, но также помнил, что взрослых опасно заставлять ждать, так что другого выбора не оставалось.

- Хм, матушка, говоришь... У неё такая же родинка под глазом как у меня?

При виде чёрной точки под левым глазом чужака, мальчик отчаянно закивал, как если бы это согласие могло спасти его дом от разорения, а его от верной смерти. К счастью, он был ещё слишком молод, чтобы понять, какое зло может причинить разбойник его матери, и потому не думал о ней в тот момент. Его больше интересовала личность этого загадочного чужака.

- Кто я? – чужак недолго раздумывал над ответом. – Я – твой дядя Нед, и я вырос в этом доме вместе с твоей мамой. Отведи меня к ней, и получишь медяк.

Обрадованный таким положением дел, мальчик сорвался с места и побежал отворять дверь. Представившийся дядей Недом чужак быстро настиг его на пороге, и тут же начал шаркиваться и отбивать грязь с сапог. По старой привычке мальчик прикрыл руками лицо и живот, и гость, конечно же, заметил знакомый жест.

- Думаешь, я тебя пинать собрался? Меня папа тоже бил ногами, пока их не лишился, а тебе бояться нечего. Как твоё имя, парень?

Всё ещё не опуская руку, мальчик отрицательно покачал головой, пусть и был польщён тем, что незнакомец решил узнать его имя.

- Нет имени? – удивился дядя Нед. – Впрочем... да, это похоже на сестру. Не сказать, что мне есть до этого дело, но ведь у мужчины должно быть имя, даже если его через год съедят волки. Я поживу здесь немного, потом снова отправлюсь в путь, а до той поры будешь ты ходить под именем... Джеймс. Так звали моего пса. А теперь с дороги, Джеймс, мне надо поговорить с хозяйкой. Обещаю, не успеет взойти полная луна, как я дам тебе два медяка... если, конечно, ты будешь помалкивать обо мне. О том, что я здесь живу.

Глупо было о таком просить, ведь слухи быстро разносятся, но за два медяка Джеймс был готов молчать хоть до следующего года. Джеймс – простое крестьянское имя, не имеющее сакрального смысла, к тому же принадлежавшее собаке. Всё равно, это лучше, чем ничего, лучше, чем бродить по миру пустой тенью. Как же всё-таки прекрасно иметь имя!

Глава 3

Отчий дом делился на три секции: дорожную пыль и крошки хлеба собирала центральная комната с очагом в полу, она же обеденный зал, она же гостиная; левая от входа дверь вела в спальню, правая на кухню, где также находился погреб. Едва переступив порог, дядя Нед отметил, что со дня его ухода дом заметно вырос – назвал кухню и спальню «любопытными пристройками». Потом они с матерью долго разговаривали за закрытой дверью, пока мальчик смаковал своё имя, и те несметные богатства, которые видел в паре медных монет.

- Работать больше не придётся, есть будем каждый день, - повторял он слова хулигана.
– Матушка перестанет болеть...

Ко всеобщему удивлению, дядя Нед изъявил желание задержаться на неделю-другую в родительском доме, причём на правах блудного сына, а не нового мужа, даром что кроватей всего три. Спутник дяди Неда обосновался на кухне, где всегда было тепло и сухо, и обещал не доставлять проблем своим присутствием. Отец говорил, что подобная скромность присуща гостям лишь в первый день, а то и первые часы визита. А уж потом они, что называется, звереют. И потому этой ночью спали только они, хозяева же до самого рассвета глаз не сомкнули, мечтая лишь о том, чтобы всё обошлось.

Зато к полудню, когда Джеймс уже выполнил работы в курятнике и на грядке, а дядя Нед ушёл купаться в речке, мальчика облепили ошеломлённые зеваки, в основном дети. Всем было интересно узнать, почему и для чего авантюристы заняли его дом, и это, надо сказать, весьма льстило доселе безымянному и никому не нужному Джеймсу. Так дочь проповедника впервые снизошла до разговора с ним, однако интересовалась она не взявшемся из ниоткуда дядей, а его загадочным спутником. Вчера его видели лишь мельком, но приметы были столь яркими, что под утро ни у кого уже не оставалось сомнений – деревню посетил чародей, потому что именно такого рода одеяние носят бродячие маги, если верить рассказам наиболее осведомлённых взрослых. Ох и завалили бедного Джеймса вопросами об этом чародее, один глупей другого: когда он ложится спать, спит ли он вообще, что он ест на завтрак, какого цвета зубы у владеющего магией человека, а может, это и не человек вовсе, но тогда кто или что он такое?

На самом же деле он был таким же человеком как любой из деревенских, его звали Вольтенекс, и он терпеть не мог назойливых детишек, которым не составило никакого труда заставить Джеймса «познакомить» их с необычным гостем. Тот как раз вышел на улицу за колодезной водой для бритья, взяв с собой не только острое лезвие, но и карманное зеркальце из отполированного металла – ещё одна диковинка, недоступная крестьянам. Семеро таких обделённых детёнышей стремительно осадили его просьбами показать магический трюк, в результате чего стали свидетелями исчезновения медяка в одном рукаве Вольтенекса, и чудесного появления в другом. Маг сидел на скамье и развлекал ребятню не столько магией, сколько ловкостью рук.

- Смотрите, палочка гнётся, - произнёс он с живой интригой в голосе, сохраняя при этом отрешённое выражение лица. Подняв двумя пальцами с земли небольшой прутик, маг начал трясти его, и вот тогда слова стали явью. Невероятно, но прутик действительно изгибался словно лист осоки.

- Ерунда. Это всё детские фокусы! – донеслось из толпы.

Дети расступились, чтобы недовольный зритель мог выразить свой скептицизм более открыто. Недовольным оказался старый знакомый Джеймса, тот гадкий задира, не обделённый фантазией. Он сердито смотрел на мага, деловито поправлявшего зрительные стёкла на носу. В это время Джеймс поспешил отойти подальше от других детей, чтобы не попасть под горячую руку, и сам не заметил, как ему за ухо сунули прутик.

- Видел много чародеев, малыш? – снисходительно спросил Вольтенекс.

- Много шарлатанов, - поправил его пацан.

Магу, коим Вольтенекс несомненно являлся, наверное, следовало посмеяться над детской непосредственностью, и пропустить колкость мимо ушей, но гордость не позволяла так сделать.

- Как тебя зовут, мальчик?

- Эдвин, а что?

- Не отвечай вопросом на вопрос, Эдвин. Подойди-ка сюда.

Дети плотнее обступили слегка растерянного Эдвина, и Джеймсу пришлось несладко – он чуть было не перегнулся через колодец, но вовремя упёрся в него руками. А заезжий маг уже демонстрировал новый трюк, но теперь реквизит заставил даже малолетнего скептика раскрыть глаза от удивления. Расстегнув ремешок на рукаве, Вольтенекс осторожно вытащил из него какую-то белую штучковину, похожую на колпак; затем он протянул этот колпак Эдвину с просьбой вставить внутрь пальцы и легонько растянуть. Как ни странно, после выполнения этой задачи, материя не согнулась и не упала – должно быть, это был какой-то странный пергамент. С явным намерением щёлкнуть пальцами, маг вытянул руку вперёд, прямо под колпак. Ожидаемо раздался щелчок, и в то же мгновение между ладоней Эдвина возник крохотный язычок пламени, чего восхищённая и перепуганная детвора никак не ожидала. Под их удивлённые возгласы колпак стал расширяться, пока не взмыл в воздух. Летящая свечка без воска и подсвечника – огонёк плясал в пустоте, не собираясь никуда падать. Все были заворожены этим зрелищем... кроме Эдвина, чьё неверие, судя по всему, было неодолимо. Заметив его выражение лица, Вольтенекс вновь вытянул руку и щёлкнул пальцами, огонёк тут же погас, но зато новый щелчок зажёл новое пламя уже над собственным ногтем большого пальца, ничуть от этого не пострадавшего.

- Тоже мне магия, - фыркнул пацан. – Мой отец так может, я уверен.

Напрасно ломал голову Джеймс над тем, почему Эдвин вообще начал возмущаться. Можно подумать, он действительно повидал множество магов. Тогда Вольтенекс посмотрел на дочь проповедника, и спросил, не найдётся ли в деревне запасного ведра для колодца. Только получив положительный ответ, он отвязал насквозь мокрое ведро, и, встав со скамьи, швырнул его на голую землю. С этой минуты детям стало по-настоящему страшно.

Маг изменился в лице, теперь он исподлобья смотрел в пустоту одержимым взглядом, зубы его оскалились в зловещем подобии улыбки. Начало стремительно темнеть, хотя на дворе

стоял весенний полдень, и во мгле воздух стал холодным как зимой. Перед тем как снова щёлкнуть пальцами, Вольтенекс довольно-таки громко прошептал не своим голосом:

- Eins.

Сверкнули стёкла на носу мага, залаяли в отдалении собаки, девочки вскрикнули от ужаса. Между ведёрком и рукой Вольтенекса возникли ярко-рыжие языки пламени: они бесшумно кружились в темноте, сплетаясь в нечто похожее на водоворот, шириной с ладонь взрослого мужчины. Без какого-либо приказа со стороны мага, получившийся огневорот устремился к уже покрывшемуся коркой льда ведру – едва соприкоснувшись с пламенем, оно вспыхнуло и разлетелось на куски, издав при этом страшное шипение, очевидно, с таким звуком испарилась колодезная вода. Реакция детей была соответствующей. Подождав, пока догорят щепки, а крики утихнут, Вольтенекс вновь заговорил.

- У вас ведь есть запасные дома? Или может быть...

Словно повинувшись мыслям чародея, тьма рассеялась ровно настолько, чтобы дети смогли увидеть, как тот направляет сложенные в знакомом жесте пальцы в сторону амбара, стоящего вверх по улице, в ста шагах от колодца. Амбар, единственное каменное строение в деревне, внутри содержал мешки с зерном и прочую снедь, и всё это, не говоря уже о деревянных балках под крышей, легко воспламенялось. Ни у кого не возникало сомнений в способности мага «донести» огневорот до самых ворот амбара и спалить их дотла.

- Остановитесь! – прокричала дочь проповедника, и холодный мрак вмиг отступил, жаркие лучи солнца ослепили всех присутствующих. Солнцем для них на короткое время стал танцующий во тьме сгусток пламени.

Приняв самый что ни на есть невинный вид, Вольтенекс положил руку на сердце и ответил учтивый поклон вероятному спасителю амбара, деревенскому проповеднику. Как и всегда, он был одет в плотную чёрно-белую робу, которая придавала ему грозный вид, хотя в действительности он бы и мухи не обидел.

- Приветствую, господин маг. Не сочтите за грубость, но, прежде, чем проявить хотя бы тень радушия к вам и вашему спутнику, я должен узнать, кто вы и откуда держите путь. Разумеется, коли это секрет, я не буду настаивать.

По строгому тону проповедника Вольтенекс рассудил, что за порядок в деревне отвечает по крайней мере один человек, и он как раз стоит прямо перед ним.

- Дышите глубже, святой отец. Моё имя Вольтенекс из Милета, со мной в этой деревне остановился Нед Мониканский, конкретно его путешествие сделало полный круг, как вы уже сами догадались. И, так как имена не обладают магической силой, я могу справедливо поинтересоваться вашим, а вы смело его назвать.

Маг ответил чрезмерно вежливому проповеднику той же монетой, однако стоявший рядом с ним Джеймс мог поклясться, что расслышал скрежет его зубов. Неужто они не ладят, чародеи и церковники?

- Имя моё ничего вам не скажет, - уверенно отвечал проповедник, - вы можете звать меня так, как называли только что. Я пришёл сюда лишь чтобы забрать свою дочь, и спросить, сколько ещё вы намереваетесь пробыть здесь. Нина, подойди.

Нина. Вот, значит, как её зовут. Джеймс так привык быть безымянным, что даже не трудился узнавать чужие имена, в то время как у его будущей жены имя столь изящное и красивое. Воистину, перемены в его жизни стремительны и безжалостны.

- В следующий понедельник нас обоих здесь уже не будет, святой отец.

Удовлетворённый ответом, проповедник всё так же учтиво пожелал гостю мира и спокойствия, затем схватил дочку за руку, и уволок прочь. Повертев лицом перед зеркальцем, Вольтенекс тоже собрался уходить, благо почти все дети разбежались, один лишь Джеймс остался ждать удобного момента, чтобы перегородить дорогу магу с целью задать долго мучавший его вопрос. Но едва мальчик успел осуществить задуманное, суровая школа жизни преподала ещё один урок о взрослых людях: никогда не путайся под ногами у чужаков.

- С дороги, мешок с дерьмом!

Пнув ребёнка под дых словно кожаный мяч, разгорячённый маг продолжил шествие, впрочем, Джеймс быстро оклемался и нагнал его на пороге. Никогда ещё не приходилось просить взрослого о чём-то столь серьёзном, но времена, опять же, меняются.

- Только это и слышу – помогите, излечите, мимо не пройдите! И каждый червяк думает, что за пару золотых добрый маг ему зрение вернёт и проказу излечит, но в мире чудес не бывает, мальчик! Твоей матушке нужны новые потроха и кости дабы нормально жить. Да будет тебе известно, крестьянский сын, излечить человека на пороге смерти – это не за водой сбегать, а если уж бегать, то только на плаху, за свежим трупом. Вот только, боюсь, святой отец не одобрит... такие фокусы.

Закончив говорить, маг проскользнул мимо Джеймса за порог, к своей лежанке посреди кухни. Мальчику оставалось лишь беспомощно воображать последние минуты жизни матери, в каких ужасных муках она оставит этот мир. Впрочем, более вероятна внезапная кончина, которая произойдёт глубокой ночью, едва заснёт тревожным сном её единственный сын. В тот момент ему будет ещё страшнее представлять, как большой мир, окружающий деревню, сжимается в кольцо, грозя её раздавить. Все человеческие печали застучат в дверь, когда уйдёт мать, в этом Джеймс не сомневался нисколько.

За ужином состоялся разговор двух взрослых мужчин, которые и пальцем не пошевелили чтобы подсобить Джеймсу с работой в курятнике, или помочь вытащить сеть из речки. А ведь Джеймс всегда боялся рыбачить, особенно после того, как отец поведал ему леденящую кровь историю про девочку, которая выпала из лодки, а прибывшие на выручку крестьяне обнаружили на дне озера не её, а лежище огромных сомов. Конечно же, то была выдумка, и всё ж она не отпускала мальчика, по ночам он с ужасом ломал голову над тем, как люди могли бросить девочку погибать в животе одного из сомов, почему не выловили их всех до единого...

- Тебе, Вольтенекс, не надоело ещё охотиться за детьми? – вопрошал дядя Нед, набивая рот свежевывловленным судаком, будто это хлеб.

Не глядя на собеседника, маг с достоинством разделявал рыбу ножом и вилкой, он явно пребывал в хорошем расположении духа, в то время как на мать невозможно было взглянуть не содрогнувшись, так как пила она всегда много эля, чтобы приглушить боли. Многих пьянство сгубило, а большая часть мертвецов приходилась на прошлую зиму, холодную и безжалостную к людям и скотине.

- Это не охота, мой друг, а простой отбор будущих студентов, - поправил Неда Вольтенекс. – Думаю, ты будешь рад услышать, что сегодняшнее представление принесло плоды.

- Если речь не о цели нашего путешествия, избавь меня от этого.

- Послушай! Маленькая девочка развеяла моё заклинание одной лишь силой воли, таких как она сложно найти среди простолюдинов. О да, в академии будут весьма рады...

Дядя Нед прервал речь громким зевком.

- Скучно, скучно! Почему бы просто не объяснить всё в двух словах, зачем утомлять меня деталями?

Уязвлённый маг наклонился к Джеймсу и пробормотал ему на ухо, чтобы тот не вырос таким же хамом как его дядя.

- Попрошу господина мага не учить моих родичей в моём доме, и не строить из себя невесту кого.

И так на некоторое время воцарилась блаженная тишина, нарушаемая лишь негромким чавканьем да скрипом стульев. Подумать, так жизнь рушится на глазах: мать уже считай мертва, дом заняли опасные бродяги, а будущая жена вот-вот отправится в странствие вместе с этими бродягами. Джеймс пребывал в ужасе от всего этого, еда в рот не лезла.

- Так что ты собрался делать с этой девчонкой?

- Уведу, конечно. Нельзя оставлять способных учеников прозябать в выгребных ямах.

- Ну прям таки... не такая уж эта деревенька и грязная, в самом деле.

Спустя час взрослые пошли спать, а тарелки с рыбьими костями и чешуёй остались дожидаться своего спасителя. Смирненно отмывая посуду, Джеймс представлял себе, каково это – быть магом, учиться в академии. Вероятно, это как раз то, о чём говорил задира Эдвин: еда появляется по щелчку пальцев, и не только в виде опостылевшего лука с бобами. Узнать бы ещё, чему такому учат в этой академии, и что это вообще за место, наверное, большая часовня, где вместо проповедника обретается некто вроде Вольтенекса. Джеймсу нравилось мечтать о других местах, другой жизни, иной раз он даже подумывал стать авантюристом и последовать за дочерью проповедника... Ниной.

Глава 4

Следующие три дня мало чем отличались от прошедшего, пришельцы занимались всё тем же: дядя Нед продолжал уничтожать запасы еды и питья, нисколько при этом не помогая своему племяннику в работе, но и не мешая, за что стоит отдать ему должное. Вольтенекс не навязывал своё общество никому из жителей деревни, но они почему-то сами шли к нему, правда, то были всё те же дети, вернее, те из них, что не побоялись взглянуть на волшебное пламя ещё всего лишь разок, пока родители стирают одежду на реке. Юного Эдвина, однако, больше не интересовала магия, он вернулся к предмету своего обожания, носящему на поясе чудесный меч.

Великан хоть и редко выходил из дома, нужды в продовольствии не испытывал, подношения крестьян стекались к его порогу всякий раз, когда авантюристы садились завтракать или ужинать. Бедному Джеймсу казалось, что единственным в деревне, кто устаёт и хочет есть на закате дня, был он один.

- Мой папаша говорил, что в пехоте авантюристов не жалуют, - рассказывал Эдвин больше Нине чем Джеймсу, которого возненавидел ещё сильнее. – Очень плохие люди, разбойники и ворюги.

Эдвин разговаривал с другими детьми лишь когда бросал камни через реку, чем занимался и в этот раз. Пока чужаки оставались в деревне, молодняку запрещали играть на улице, и метание камушков оставалось одним из немногих способов развлечься или просто занять руки. Любой разговор этих троих начинался с упоминания отца Эдвина, тоже пехотинца, призванного на службу пять лет назад. Всякий раз возвращаясь домой с полной корзиной еды, он рассказывал своему единственному отпрыску о ратных подвигах, и даже пытался научить фехтованию. Нину и Джеймса едва ли можно было назвать его друзьями, однако именно они составляли компанию этому по большей части безобидному юноше, чью тёмную сторону испытывал на себе лишь отходчивый Джеймс.

- Жаль, они не встретили моего старика по пути, а то б он им показал. Я хочу пойти в дом на отшибе, вы со мной?

За все годы он ещё ни разу не звал их играть вместе с ним, но ведь это была не игра. Ни один из деревенских детей не имел семи пядей во лбу, однако догадаться, с какой целью Эдвин собрался посетить жилище многоуважаемого гостя, было совсем не трудно. Надо думать, Нину и Джеймса он привлёк дабы не струсить. И очень скоро эти двое убедились, что дела обстоят именно так как им показалось, Эдвин действительно пошёл жаловаться на дядю Неда и Вольтенекса, может даже просить их прогнать. Хоть беспокойства они причиняли намного больше чем вреда, а неприязнь Эдвина питали только рассказы отца, терпение его лопнуло.

Дорога к дому пехотинца идёт под уклон, и вдобавок вымощена камнями разных цветов и размеров, уходящими под землю столь глубоко, что всем казалось, будто они всегда здесь были, но разве могла природа выстроить камни в ровную ленту? Может быть, это основатели близлежащего города когда-то обнажили все эти камни, вытоптав землю за долгие годы строительства.

Дети остановились у порога двухэтажного дома пехотинца, ближайшего к лесной чаще. Он был старым и ветхим, ныне вокруг него собирается много собак и ворон, но местные жители всегда посматривали на эту незамысловатую постройку с лёгкой завистью, как и на городские стены, надёжно укрывающие от ветра и непрошенных гостей. Сейчас эта зависть умерилась, её почти что вытеснило робкое благоговение, которое у них вызывал нынешний хозяин, и люди без колебаний подносили ему съестные дары, таким образом превратив порог дома в своеобразный алтарь. Возможно, они в тайне надеялись, что он защитит деревню, раз на поясе его висит меч, а за спиной простираются годы сражений.

Он сам вышел к детям, им не пришлось стучать. Его голова действительно была совершенно безволосой, зато челюсть обрамляла густая чёрная борода, свисающая почти до самого пупка, затерявшегося посреди живота столь широкого, что гамбезон невозможно было застегнуть. Чёрные глаза под чёрными же бровями с интересом рассматривали гостей.

- Доброе утро, - поприветствовал он детей, его голос был низким и раскатистым словно рычание льва. – Если вы пришли ко мне, то прошу внутрь, еды у меня водится в избытке.

Эдвин был поражён таким гостеприимством не меньше остальных, и едва бы смог вежливо отвергнуть приглашение, не стой рядом Нина с ходячим мешком для битья. Собравшись с силами, он сделал глубокий вдох, и выпалил наспех заученную речь:

- П-простите, уважаемый, что пришли с пустыми руками, мы это... помогите, пожалуйста! Авантюристы приехали в нашу деревню как к себе домой, от них всем плохо! Не могли б вы их того... прогнать?

Сказать по правде, никому от двух тунеядцев плохо не было, по крайней мере до сего дня. Эдвин, конечно, не знал о планах Вольтенокса, потому что Джеймс решил никому о них не рассказывать, даже Нине. Нутро подсказывало ему, что так всем будет спокойнее.

- Я тебя услышал, малыш. Моё имя Магнус из Лесного Пояса, а как мне обращаться к тебе и твоим друзьям?

Эдвин охотно назвал все имена, правда не без помощи Джеймса, которого всё так же считал безымянным и незначительным. Затем он повторил свою просьбу, присовокупив к ней волшебное слово «пожалуйста», весьма действенное в обычных случаях, когда нужно попросить что-то у матери. Окрестные собаки, должно быть, услышали его голос, потому и стекались к порогу дома – скорей всего, они питаются объедками даров Магнусу. Что до него, внимания на собак он не обращал, общение с гостями его занимало больше. Видимо, смирившись с тем, что они определённо не спешат заходить в страшный дом, где умерла целая семья, он решил декламировать, стоя в дверях.

- Вам будет интересно узнать, дети, что у этих авантюристов совершенно нет совести, ибо они никогда не признаются сами себе, что вся их гильдия в сущности просто огромная разбойничья шайка, сосущая кровь из нашего с вами королевства. А знаете ли вы, что есть королевство, знаешь, Эдвин?

- Нет! – голос мальчишки дрогнул, но не из-за мокрых собачьих носов, обнюхивавших ноги. Уважаемый пехотинец обратился к нему по имени, да ещё с таким вопросом.

- Ничего, я с радостью объясню, - Магнус прокашлялся, и продолжил речь, всё таким же деловитым тоном, каким произносил её ранее. – Королевство – это владения короля, которые надобно защищать и наводить в них порядок, для того и существует моя любимая пехота! А все эти авантюристы и им подобные, лишь разрушают единство королевских подданных, тем самым потворствуя врагам, которых ещё даже на горизонте-то не видно. Вот представьте, что если вдруг на вашу деревеньку нападёт армия заморских варваров, а пехоты рядом не окажется? Городская стража запрётся изнутри своих каменных стен, авантюристы и пальцем не пошевелят пока им не заплатят, а к тому времени ваши дома пожгут и пограбят! То ли дело пехота: с одним лишь гарнизоном, полным ваших отцов и братьев, вооружённых до зубов, можно не бояться набегов, ведь королевская власть связывает воедино все графства. Увы, существуют и такие люди, для которых достаточно нацепить значок на грудь, чтобы без всякого стыда учинять самоуправство, и таких немало. Вот почему в предстоящей нам великой борьбе за наше единство мы, пехота, получим лишь очень небольшое количество союзников из среды тех, кто устарел, к сожалению, не только физически, но и духовно. Только в виде исключения к нам придут старцы с юными сердцами и свежим умом... вот ты, девочка, кто твой отец?

Дети восторженились. Речь Магнуса, несомненно, дала им больше, чем они смогли переварить, и уж тем более понять. Более того, она ввела их в лёгких транс, вышли из которого они далеко не сразу.

- Он проповедник, - опомнившись, ответил за Нину Эдвин. – Живёт рядом с часовней.

- Прекрасно, - улыбнулся пехотинец, два ряда белёсых зубов сверкнули на солнце. – Он стал бы отличным капелланом, призови его Корона. Но знаете ли вы, для чего призывает она людей? Нет, не спешите отвечать, Эдвин, это сложный вопрос. Правда в том, что королевство разбито на большие осколки, и собирать его воедино – важнейшая и труднейшая задача как для короля, так и для его подданных. На первый взгляд эта гигантская задача, которую мы взваливаем на свои плечи, может показаться безнадёжной, но на самом деле именно величие наших задач таит в себе возможность их воплощения в жизнь! Наш боевой клич становится сигналом, собирающим в наши ряды всё, что есть сильного. Именно величие целей отпугивает мелких людей сразу или отсеивает их спустя некоторое время, но зато под наши знамёна собираются все действительно боевые натуры. Громадность наших задач, которые ставит нам король, в глазах многих затрудняет нашу победу, на деле же именно в этом наша победа и заложена, дорогие мои. В величии и трудностях нашей задачи заложено то, что в нашем лагере соберутся лучшие бойцы. Именно в этом подборе – гарантия нашего успеха! Одна граница на все графства, одна гигантская армия, одно величественное королевство для всех порядочных и благоверных людей. Возможно, ты, Эдвин, станешь однажды пехотинцем, и присоединишься к нам в этой, не побоюсь этого слова, священной миссии. Кхм... Ну что же, от меня вы услышали всё, чему вас должны были научить родители, но нельзя же вам бездельничать весь день. Ступайте, помогите по хозяйству, и я тоже сделаю всё, что в моих силах. Желаю вам мира и спокойствия.

- А знаете, мой отец тоже служит... - но не успел Эдвин договорить, как парадная дверь захлопнулась, вдобавок собаки принялись пробовать его одежду на вкус. Пришлось детям идти восвояси, отмахиваясь палками от своры дворняг – к счастью, те были не слишком голодны, и всё же не могли долго терпеть чужаков на своей территории, где всегда так много еды.

Все трое были потрясены тем, что услышали. Оказывается, они живут не просто в большом и страшном мире, а королевстве, которое к тому же не совсем в порядке. Преодолев каме-

нистый подъём, дети обернулись чтобы ещё раз взглянуть на двухэтажный дом, чей владелец открыл им глаза. Нина стояла с беспокойным видом, сложив руки не то в молитве, не то в спонтанном и ничего не значащем жесте, свойственном для беспокойных дам; Эдвин нахмурил брови, с его уст сползал неясный шёпот, вероятно то были обрывки речи Магнуса. А что же Джеймс, что он извлёк из всего этого?

- Он нам мозги запудрил, - решительно произнёс он, уже готовый предпринять попытку отражения хотя бы одного удара Эдвина, однако задира не отреагировал на его слова, более того, с суровым видом заковылял домой.

- У него правда папа в пехоте, - робко высказалась Нина, дочь проповедника.

Джеймс это прекрасно знал, но не понимал, что есть в этом такого великого, и как величие сие касается его беспокойной жизни в деревне. А этот Магнус так разважничался, хотя его трибуна была весьма убогой, и к тому же пахнущей гнилой капустой вперемешку с собачьим духом. Впрочем, конкретно этот нахлебник, как рассудил Джеймс, должен волновать его в последнюю очередь; они с Ниной наконец остались одни, и лучшего шанса рассказать ей о планах Вольтенека может уже не представиться, тем более, что по словам дяди Неда понедельник наступит уже завтра. Как бы он хотел оставить это в тайне, однако теперь помощи точно ждать неоткуда, и потому нужно предупредить Нину.

- Нина, слушай, тут такое дело... авантюристы на рассвете уйдут, а маг хочет взять тебя с собой. Говорит, ты колдунья.

Как, должно быть, глупо прозвучали эти слова, подумал Джеймс, заливаясь краской, а Нина лишь плечами пожала, ей было совершенно нечего сказать по этому поводу.

- Прогонять их никто не собирается, будь что будет, - пробормотала девочка.

Чувствуя, что с минуты на минуту его будущая жена пойдёт домой, он предложил первое, что пришло в голову, а именно скромную трапезу. Детям предстояло самим добыть себе еду, к счастью, то была задача совсем не сложная: разросшийся за амбаром лопух предлагал к столу свои корни, подорожник обещал необычный перекус из листьев. Как сказал Джеймс, от взрослых не убудет, если пропадёт пара-тройка съедобных растений, всё равно они растут без призора. Минуты, проведённые за совместным пережёвыванием дикороса, тянулись неспешно, и Джеймс был счастлив как никогда. Он уже и позабыл, что там горланил тот пузатый выскочка из дома на отшибе, как забыла и Нина, а вот задире Эдвину слова пехотинца глубоко запали в душу, потому он отправился не к себе домой, а снова на речку, бросать в раздумьях камни, пока его так называемые друзья сидели на корточках за каменной стеной амбара среди больших листьев лопуха.

- А будь я в самом деле колдуньей, - задумалась Нина, - ты бы дружил со мной?

Здесь необходимо сказать что-нибудь умное и многозначительное, правильно рассудил Джеймс, благо что он придумал ответ заранее.

- Мы и сейчас дружим, нет? Ну вот, а ежели что поменяется, то всё равно будем дружить. Только не поджигай ничего, хорошо?

- Ага! – радостная улыбка Нины подарила Джеймсу надежду на спокойное окончание дня.

Надежду эту предстояло разрушить не кому-нибудь, а дяде Неду, который встретил Джеймса на пороге дома. Вопреки ожиданиям, он не был пьян, он успел хорошо поспать и поесть, а также накормить мулов, с недавних пор занимающих участок земли подле курятника. Дядя стоял со скрещенными на груди руками, и вид у него был жутко недовольный.

- Для той, кто едва может передвигаться, у твоей матушки хорошая память и чертовски длинный язык, пацан.

Джеймс так и застыл на месте, внутри всё будто в узел завязалось. Да, на протяжении всей жизни он частенько нарушал родительские запреты, ломал вещи, огрызался и дерзил, но что такого рассказала мать, что заставило дядю Неда проявить заинтересованность?

- Сегодня она вскользь упомянула, как ты прибежал к ней жаловаться на избившую тебя девчонку. Это правда?

- Вам-то что за дело? – разозлился Джеймс, всякий бы разозлился на его месте. Проходимец, которого завтра здесь не будет, суёт нос в личное дело чужого ребёнка – так это видел Джеймс.

Дядя Нед подошёл поближе, но приседать не стал, разговор будет вестись сверху-вниз.

- Не потому ли ты побежал к родителям, что хотел посмотреть, как твой никчёмный папаша делает за тебя твою, и только твою, работу? Только не говори мне, что ты не в силах постоять за себя и навалить другим молокососам, тем более девчонке. Тебе когда-нибудь говорили, что ты ущербный, недоразвитый телом и умом, говорили такое?

- Папа говорил иногда...

- А я говорю, покажи мне свой лучший удар, пацан, - сказал Нед, падая на колени. – Покажи, на что ты способен, иначе я тоже буду считать тебя блаженным задохликом.

По мнению Джеймса, здесь дядя Нед пересёк черту. Он не только полез не в своё дело, но и ведёт себя так, будто уже объявил себя новым отцом и взял обязанность поучать своё дитя. Подобная наглость была очевидна даже для простого крестьянского сына вроде Джеймса, и она заставила его кровь кипеть. Замахнувшись, мальчик со всей силы врезал кулаком по лицу дяди Неда.

- Как же... как же плохо, - разочарованно пробормотал дядя, на обветренной скуле которого не осталось даже маленькой ссадины. – Нет, пацан, так не бьют. Если на руке нет защиты, она сломается.

Джеймс не увидел, откуда прилетел удар наотмашь, для него это было слишком быстро. Жгучая боль, кровь из носа, дрожь в коленках.

- По лицу лучше бить ладонью, как это сделал сейчас я. И не замахивайся, ты всё-таки не сосну рубишь.

И тогда Джеймс с криком бросился на дядю, выставив руки вперёд. Хиленькое плечо врезалось в необъятный живот взрослого мужчины, но он даже не шелохнулся.

- Да, меня часто пытались повалить, но знаешь, почему я всё ещё жив? - зловеще улыбнулся Нед, – Я ведь тоже могу тебя схватить, пырнуть ножом, сломать шею, размозжить черепушку о землю. Это, конечно, если ты вешишь чуть больше дворовой собаки.

С этими словами дядя Нед схватил Джеймса за шкуру и отшвырнул от себя, но не слишком сильно, чтобы мальчик ничего себе не сломал при падении.

- Если уж бить по лицу, то только ногами. Нет, кулаком бьют в мягкие места: шею, почки, живот, нос... словом, будь готов побить одного мужика, да так, чтоб потом побить ещё десять. Неужели ты хотел, чтобы родители сделали то же самое с твоими обидчиками? Я убежден, что детям должно самим разбираться между собой, как птенцы коршуна выталкивают друг друга из гнезда, так и человеческие детёныши сражаются и отсеивают слабых, но, когда в это встречаются взрослые, всё летит к чертям на долгие годы вперёд. Поверь слову авантюриста, уж я посмотрелся на таких людей, жалких и беспомощных.

Джеймс поднялся на ноги, преисполненный решимости всыпать этому гаду по первое число.

- Не смей оскорблять моих родителей, нахлебник, - проговорил он самым угрожающим тоном, на который был способен его предательски дрожащий голос.

- Нахлебник, говоришь? Напротив, твой дядя всё это время исправно платил медяками за еду, постель, и даже за овёс для мулов, взятый из амбара. Я ещё даже не начинал оскорблять твоих родителей, малыш, и не начну, ведь я постоялец, а не паразит. Но я также и мужчина в доме, и потому обязан восполнить пробел в твоём воспитании. А теперь смотри и учись, иначе опять схлопочешь.

Дядя Нед отошёл подальше, и продемонстрировал, как надо избегать удара по голове, отклоняя туловище назад, ныряя вправо и влево, и он не отпускал мальчика домой, пока тот не повторил каждое движение по десять раз. Мать в это время, похоже, мирно дремала.

- А если станет совсем худо, можешь смело пнуть недруга по сокровищам, - подытожил дядя, - только убедись сначала, что он чувствует боль, а то бывают и такие, которых можно хоть весь день лупить, а они даже бровью не поведут.

- Пожалуйста... я хочу есть, - взмолился наконец Джеймс.

Но дядя услышал лишь очередной повод для напутствия. Он, судя по всему, вдоволь наслаждался ролью учителя в этом кошмарном спектакле.

- Тебе нужно много мяса, чтобы вырасти большим и сильным, вот только где его взять? У вас тут не найдётся даже самой захудалой овечки, а дойных коров забивать пока рано. Да, неудивительно, что столько народу передохло зимой. Что ж, иди домой, набивай своё тоненькое брюхо, считай, что заслужил.

А чтобы мальчик запомнил сегодняшний урок, дядя Нед вытянул из-за пазухи маленький, но острый ножик, схватил пробежавшего мимо Джеймса за руку, и полоснул по ней. Смертельно испугавшись, Джеймс вырвался и забежал в дом так быстро, словно угли жгли его пятки, а вслед ему нёсся издевательский смех дяди Неда.

Глава 5

Но вот наступило утро понедельника, и он ушёл, они оба ушли. Ворчание мулов в последний раз всполошило наседок, на рассвете приземистые скакуны уже покинули деревню вместе со своими хозяевами, и облегчённый вздох прокатился вдоль тёмных улочек. На руке останется шрам, но это малая цена за гостеприимство. В деревне стало очень тихо, даже петухи не пели, хотя до этого дня их было не унять. Джеймс хотел тихонько проскользнуть в дом проповедника чтобы убедиться в сохранности будущей жены, ему не хотелось ждать полтора дня до начала мессы, когда вся деревня соберётся вокруг часовни, но у матери уже была готова работа для него.

- Колоть дрова больше нечем, - говорила мать, - топор отца уже ни на что не годится. Тебе нужно пойти в город и купить новый, денег твоего дяди должно хватить. Не шлейся и ни с кем не разговаривай, просто иди вперёд, не сворачивая, пока не уткнёшься в ворота. Ты меня понял?

Джеймс понимающе кивнул. Он не потрудился спросить, от чего мать сама не сходит за новым топором, коли старый напоминает рыбий хвост, потому что неустанные жалобы на здоровье отсекали любой вопрос. Матери было тяжело ходить, болезнь забирала её силы, и страх вновь раскрыл свои ледяные объятия перед мальчиком. Но то был страх не перед одиночеством и ответственностью, Джеймс боялся города. Местная легенда гласит, что на его месте когда-то стоял исполинских размеров каменный курган, обдуваемый суровыми степными ветрами. Говорят, когда первые поселенцы, стремясь обосноваться поближе к реке, разобрали все эти камни, под ними нашлись останки двух разных армий: воины с мечами, копьями, в доспехах и кольчуге. И вот, из того самого места, что стало могилой для всех этих воинов, люди построили небольшой городишко, окружённый стеной той же крепости, что не уберегла от смерти своих предыдущих хозяев, но где их кости лежат сейчас – загадка даже для тамошних старожилов, но, вероятно, их просто выкинули, пред этим сняв броню, которую запросто могли продать заезжим торговцам. Словом, нехорошее место этот город, даже название у него зловещее...

- Вокиал.

И хотя город стоял на возвышенности в силу своего происхождения, дорога проходила сквозь него, а не в объезд, благо что подъём не слишком крутой, и запряжённые лошадьми повозки даже зимой проезжали без особого труда. Отец в своё время любил сетовать на недалёковидность основателей Вокиала, якобы специально разрывших курган для удобства, тогда как усталые лошади вынуждали бы путешественников останавливаться в городе на ночь, и тратить больше денег, чем планировалось.

Перед тем как приблизиться к городским воротам, Джеймс надёжно спрятал кошель за поясом, подвязав его так, чтобы не звенел при ходьбе. Проход был всегда открыт в дневное время, привратник же не обращал на снующих туда-сюда крестьян никакого внимания, лишь изредка поглядывая на тех, кто приходит с другой стороны. В сторожке висел маленький колокольчик, связанный со своим близнецом верёвкой, проходящей через весь город до южных ворот, то была простейшая мера предосторожности, в лихие времена позволявшая вовремя

организовать блокаду или оборону города. Ныне же единственной заботой Джеймса остаются карманники, но с ними он уж как-нибудь да сладит.

- Возьми себя в руки, будь мужчиной. Здесь нет ничего страшного.

Ободряющие слова заставили ноги шевелиться, Вокиал принял нового гостя. Ошеломляющий вид каменных домов и покрывающей землю брусчатки внушал трепет, никогда ещё мальчик не видел так много двухэтажных домов, да ещё и в одном месте. Город действительно походил на некрополь, и всё же ни один дом не пустовал: каменная стена укрывала за собой множество построек, половина которых служила для заработка, потому что Вокиал всегда был торговым городом. Здесь обосновались разного рода ремесленники, торговцы снедью, и, разумеется, кузнец, в деревне не проживающий по причине, известной лишь ему одному.

Джеймс шагнул вперёд, не поднимая головы, дабы не упускать из виду мощёный путь к другому концу города, будто погружённого под воду, настолько тёмными и безжизненными казались нависающие над мальчиком здания, тени которых сливались воедино. Казалось, солнце позабыло об этом месте. Джеймс надеялся наконец выйти на центральную площадь и освободиться из тёмного плена, но на его беду такой площади в Вокиале не водилось, зато были две малые площади, но располагались они там, куда Джеймсу ходить не нужно – одна у восточной стены города, другая у западной. К сожалению, гул голосов за каменными стенами не доходил до ушей мальчика, он слышал лишь собственные шаги, мало-помалу становившиеся всё громче и громче. Он-то ожидал увидеть опровержение своих глупых детских страхов, увидеть оживлённый торговый узел на дороге через графство, но в этот день вся жизнь бурлила в отдалении от Джеймса. Словно во сне переставлял ноги пугливый мальчишка, упорно заставляя себя не смотреть по сторонам, идти строго по прямой, в надежде уткнуться носом в южные ворота.

Вдруг раздался звон, а затем ещё раз и ещё раз. С таким звуком сталкиваются два куска металла, молот и заготовка. Джеймс поднял голову и огляделся: так и есть, он наконец-то добрался до ворот, а справа от них мерно вспыхивает рыжее пламя, что высекает молот мастера. Кузница казалась ещё темнее жуткого коридора между воротами, но это пламя дарило чувство безопасности, даже если его вызывал к жизни какой-нибудь злодей. Южные ворота широко распахнуты, за ними слышится кашель стражников, а ещё дальше лежат бескрайние равнины, по которым расползаются торговые пути, ведущие на север – к горам, и на восток – в сторону моря.

А кузница оказалась не такой уж и тёмной, Джеймс прекрасно всё видел. С громким шипением заготовка опустилась в чан с водой, луч света упал на кузнеца, позволив Джеймсу разглядеть очертания мужчины в фартуке. Вид широких плеч и необычайно сильных рук заставил мальчика думать, будто перед ним великан, но стоило кузнецу встать в полный рост и повернуться, иллюзия потеряла силу. Обычный человек, с жёсткой седой бородой и глубоко посаженными глазами, весьма среднего роста.

- Кто там? – прохрипел кузнец, Джеймс так и подпрыгнул от неожиданности.

Нет нужды ходить вокруг да около, и лучше не испытывать терпение кузнеца. Занятые взрослые особенно страшны в гневе.

- М-мне бы топор, - выдавил он из себя, напрочь забыв поздороваться.

- Покупать иди на площадь, - сказал кузнец, как отрезал. – Сын мой продаёт их сейчас.

Растерянный Джеймс некоторое время ломал голову над этим советом, сулившем новую прогулку по "некрополю", и в конце концов начал злиться на мать, указавшую неверное направление, и теперь он рискует заблудиться в незнакомом городе, если только не спросит дорогу у стражника или того же кузнеца. Разумеется, он этого не сделал, хоть и рассматривал такую возможность.

- Меня послали не на чёртову площадь, - мальчик и не заметил, что впервые в жизни повышает на взрослого голос, - меня послали к кузнецу за топором, у меня и деньги есть.

- К чему мне твои деньги, - спокойно отвечал кузнец, - когда я даже не знаю, кто и за каким топором тебя послал. Так работа не делается.

Тяжело вздохнув, Джеймс рассказал всё с самого начала: о больной матери, живущей с ним в деревне, о треклятых медяках, и топоре отца. Реакция кузнеца его весьма удивила.

- Так бы сразу и сказал. Постой тут, я сейчас вернусь.

Отойдя вглубь кузницы, в самый дальний от Джеймса угол, он снял с высокого крючка топор. Спohватившись, мальчик вытащил из-за пояса кошель с деньгами, и с видимым облегчением протянул кузнецу – обмен совершён, поручение матери выполнено.

- Долго же вы деньги копили, я уже позабыть успел, - признался кузнец.

- Разве?

- Стальной топор недешёвый, особенно для крестьян. Деревня – чересчур громкое название для той кучки дощечек, что я помню. У тамошних приживал и денег-то нет, потому я недолго у них пробыл. Ну, хватит болтать, иди по своим делам.

Какой странный человек, подумал Джеймс, он как будто разговаривает сам с собой. Про себя он отметил, что топор из стали немного тяжелее простого железного, и вдобавок поблёскивает на свету, но он, должно быть, ещё и гораздо прочнее. Интересно узнать, как много родители уже отдали за него.

- А... а сколько он стоит?

Кузнец обернулся и смерил Джеймса пронизывающим взглядом.

- Не пытайся продать его здесь, парень, - усмехнулся он. – Хотя ты можешь пойти на площадь и всучить его моему сыну, может он и продаст его сегодня, вот только на долю не рассчитывай.

- Нет, нет, я потому хотел спросить, что... мы с матушкой живём не шибко богато...

Кузнец вмиг догадался, к чему он клонит, и заметно смягчился.

- Одна серебряная монета. Это пятьдесят медяков, парень, а в твоём мешочке их была дюжина, - уточнил кузнец, заметив озадаченную физиономию мальчика.

Джеймс небрежно взвесил в руках новый топор, и ощутил его теперь по-новому.

- Это ж целая куча денег!

Кузнец лишь посмеялся над его словами. Он сказал, что раньше за одну серебряную монету давали все сто медяков, но то было до раскола королевства, теперь деньги только до половины считают. С некоторым сожалением Джеймс отметил, что все эти разговоры о деньгах развеяли таинственность кузнеца, которую он источал вначале. Видимо, все без исключения взрослые на поверку оказываются скучными старыми верзилами, раз даже этот производит такое впечатление. Но, быть может, оно обманчиво?

- Скажите, а что вы делали сейчас?

Кузнец недолго раздумывал над вопросом, что, разрази его гром, он сейчас делал – работал, конечно же. И грош ему цена, если он не объяснит любопытному мальчишке, над чем именно работал.

- Ничего, просто охлаждал меч.

Джеймс ощутил, как зашевелились волосы на его затылке. Неужели он сейчас застал рождение настоящего меча? Облизав пересохшие губы, он спросил, не для пехотинца ли этот меч ковался.

- Нет, для городского стражника, на замену старому. Но пехоту я тоже снабжаю мечами. И никогда не охлаждаю их в дорогом масле... не то сейчас время, сегодня всё дорогое, - пробормотал кузнец, снимая с полки форму для литья. Пока он ставил её на пол, любопытство Джеймса разыгралось с новой силой.

- А в чём разница? Вода хуже масла, что ли?

На мгновение ему показалось, что кузнец улыбнулся, но тот быстро напустил суровый вид.

- Да не то чтобы... вода делает меч твёрдым, но хрупким; в масло же опускают мечи, которым суждено быть гибкими, но в твёрдости они будут уступать. Правда, после войны масло подорожало, а для пехотинцев вода в самый раз, благо что не в пустыне живём.

- А почему в самый раз? – не унимался Джеймс.

- Почему, почему, - кузнец вдруг громко и противно хarkнул на пол. – Да потому, что пехотинец не стоит даже одной несчастной капли. Тебе не пора домой, парень?

И правда, задержался он уже прилично, мать наверняка будет злиться. Поблагодарив кузнеца, он помчался в обратный путь, но более страхом не терзался, его выместил живой интерес к кузнечному делу. Нет, конечно это просто мимолётное увлечение, не бывать ему кузнецом,

у него ведь даже имени до недавних пор не водилось. Выбросить эту ерунду из головы, бежать сломя голову домой, пока матушка не пошла искать его, ведь ей нужно отдохнуть.

Пожар. Стоило Джеймсу покинуть деревню, как загорелся амбар. Снующие вокруг люди выносили продовольствие и вносили полные воды вёдра, закидывали землёй горящие балки. Второпях Джеймс умудрился споткнуться о черенок топора и покатиться вниз по склону. Чудом не отрубив себе голову при падении, он как ни в чём не бывало встал и побежал дальше, игнорируя ушибленную голень, а его занемевшие пальцы по-прежнему сжимали топор. Если припасы сгорят, следующая зима прикончит всех, кто пережил прошлую, в этом Джеймс не сомневался. Умирать с голоду не хотелось, поэтому он без раздумий кинулся в огонь, намереваясь вынести оттуда хотя бы один залежалый мешочек овса.

Хоть пламя и поухло в результате стараний деревенских, внутри амбара жар стоял такой, что нечем было дышать, разве что дымом, который испепелял лёгкие и нестерпимо щипал глаза. О первый попавшийся предмет Джеймс больно ударился мизинцем, то была бочка, полная кедровых шишек, невероятно редких и ценных для этих мест, эту бочку спасти просто необходимо. Из глаз, носа и рта Джеймса текли водопады, ладони пузырились, но это не мешало ему катить бочку к выходу, ориентируясь по крикам снаружи. Несколько широких шагов до ворот казались ему сотней, исходивший отовсюду жар уже не просто облизывал, а вовсю грыз его тело. Ничего не видя перед собой, мальчик не заметил, как выбрался на свежий воздух, бочка была спасена. Эти шишки можно дорого продать, пусть и не всякому торговцу, и Джеймс понятия не имел, как их удалось заполучить нищим крестьянам. Может ли быть, что...

- Вот, с чего начался пожар!

Развалившийся на траве Джеймс резко сел. Рослый мужчина, в котором он узнал старосту деревни, вынес из потухшего амбара старый фонарь с роговыми окнами, вернее с одной лишь панелью из коровьего рога. Этот фонарь всегда стоял на окне амбара, с обращённой наружу панелью, чтобы дующий с юго-востока ветер не задувал свечу, но сейчас железный каркас фонаря удерживал панель всего за один угол, а свечи не было вовсе. Староста положил фонарь на землю и начал вслух пересчитывать содержимое злосчастного амбара, дабы понять, что сгорело, а что нет.

К счастью, большая часть еды уцелела, товары на продажу (меха и шишки) тоже миновала печальная участь пяти мешков овса – потеря, восполняемая месяцами тяжелейшего труда в обычное время, но после спасения шишек деревенские наверняка не выдержат, и обменяют их на привозное зерно, пшеницу или овёс.

- Не расходиться, - крикнул староста, - я сейчас всех тут опрошу, а ежели кто что видел, пусть говорит немедленно! Это же надо – пожар в амбаре, уж не птица ли столкнула этот проклятый фонарь!

Никем не замеченный, Джеймс подобрал с земли топор и вернулся к матери. Та, разумеется, с порога на него накричала, и сразу же отправила колоть дрова. В перерывах между ударами мальчик поглядывал на огород, с сегодняшнего дня заботящий его куда сильнее чем давняя мечта покинуть деревню. Он думал о том, как тяжело доверять свою жизнь силам природы, могущим по злой прихоти уничтожить весь урожай, а если и произойдёт такое, тогда...

да, тогда смерть придёт за ним и его матерью. Страшная голодная смерть – вероятно, именно она настигла семью в доме на отшибе.

- Наверное, их завалило снегом, а снаружи бушевала метель.

Джеймс отчаянно затряс головой, не решившись представить себе нечто столь ужасное, лучше уж вернуться к работе. А тем временем староста обошёл уже половину домов в деревне и расспросил многих её жителей (и с чего бы кузнец назвал их приживалами?), вот тут-то они и вспомнили о проделках Вольтенекса, дети сдали мага с потрохами. Кто-то предложил нанять авантюристов, чтобы те изловили и наказали поджигателя, но сие предложение отменили по ряду причин, слишком хорошо знакомых Джеймсу и его матери. Последняя опять задремала посреди рабочего дня, и Джеймс этим воспользовался чтобы незаметно вернуться к амбару. Уж слишком быстро все забыли о фонаре, а ведь с него-то всё и началось, и Вольтенекс тут не причём. Джеймс чувствовал, что, если он сам не разберётся, что произошло, пожар может повториться. Нужно быть точно уверенным, ведь это вопрос жизни и смерти.

Сам фонарь не очень тяжёлый, даром что железный, потому крутить его в руках оказалось проще простого. Панель, почти неотличимая от куска бледного пергамента, висела на том же месте, что и несколько часов назад, а вместо свечи мальчик обнаружил лишь застывшее восковое пятно. Ещё раз внимательно осмотрев корпус фонаря уже на солнце, а не в тени амбара, он зацепился взглядом за его верх, прямо над роговой панелью: едва заметная белая царапина, которую Джеймс умудрился стереть одним касанием пальца, на нём осталась мелкая белая крошка, будто песок. Джеймс положил фонарь и вернулся в амбар, поиски зацепок были недолгими благодаря всё том уже солнцу, проникавшему в тёмное нутро амбара через распахнутые двери (староста всё равно пересчитал там всё, и воровства не боялся, потому, наверное, и позабыл о дверях). Под самым окном нашлись капли воска от растаявшей свечи, а неподалёку валялось и орудие преступления, камень. Так и есть, кто-то с улицы бросил камень в фонарь, и тот упал на мешки с овсом, Джеймс даже проверил это сам, повторив бросок. Камень достаточно увесистый, чтобы свалить фонарь, и достаточно плоский, чтобы долететь до него, даже скол на нём отыскался!

- Погодите-ка... да быть такого не может, - Джеймс поспешил наружу, к тому месту, где вероятно стоял поджигатель.

В траве, где они с Ниной жевали лопух, тут и там валялись камни поменьше, и всех их объединяло с большим одно неоспоримое качество – они все были гладкими. Похватав камни, Джеймс бегом понёс их к реке, пока не зашло солнце, и там принялся сравнивать найденное под стеной с лежавшим в русле. Всё сходится, эти камни точно принесли отсюда, но кто мог, кто бы посмел? Джеймсом вдруг овладело премерзкое чувство, вспыхнувшее где-то под сердцем, потому что ему был уже известен виновник. Да уж, далеко ходить не пришлось в этой и без того маленькой деревне.

Глава 6

Утро вторника, как и всегда, началось с волнений по поводу завтрашней мессы. В середине каждой шестой недели местные крестьяне собирают подношения церкви в виде различной снеди, но, как объяснял проповедник, сие является не принудительной мерой, а самым что ни на есть обыкновенным соседским пожертвованием. Хотя проповедник говорил чистую правду, Джеймс догадывался, что ему ещё только предстоит узнать, как на самом деле обстоят дела с податью духовенству. Так как рыба всегда была наименее недоступной едой для деревенских, в часовню приносили именно её – вяленую, копчёную, изредка даже солёную; овощи тоже популярны, но, как правило, выбирали лишь самые большие, например, тыкву, репу, морковь, а в дополнение часто, но не всегда, шла дюжина яиц. Джеймсу всегда казалось странным, почему именно яйца, а не курица-несушка... вероятно, слишком ценная вещь. Впрочем, подношения, как и саму мессу, могут и отменить по различным причинам, будь то непогода, неурожай, или любая другая напасть.

Джеймсу потребовалось лишь заглянуть в окно дома проповедника, чтобы узнать, какая же напасть постигнет деревню в этот раз. Святой отец лежал на полу без чувств, лицом вниз. Первая мысль была о том, чтобы окликнуть его или Нину, залезть внутрь, в конце концов, но Джеймса остановил ужасающий вид слабо поблёскивающего пятна вокруг головы проповедника. Он вполне мог удариться обо что-то, неудачно упасть, к тому же он сделал это в своём доме, за закрытой дверью, потому-то Джеймс, – как всякий благоразумный ребёнок, – рассудил, что это не его дело, и отправился домой. Помимо прочих дел ему предстояло покормить кур и вымести из очага лишний пепел.

Спустя несколько часов вся работа была завершена, а Джеймс продолжал думать о проповеднике, ему не давала покоя причина неудачного падения, если оно вообще имело место быть. А вдруг он вообще умер, спрашивал себя Джеймс. Но если в соседском доме лежит мертвец, то где в таком случае его дочь, куда она запропастилась? В этот день недели Нина должна была помогать отцу протирать часовню от пыли и грязи, однако там её не было, сам же проповедник так и вовсе отправился к праотцам душой, а телом не вылезает из дому, стоит ли думать, что Нина тоже мертва?

- Нет, это всё-таки моё дело, – промолвил Джеймс.

И вот так эгоистичное желание проведать «будущую жену» возобладало над нежеланием влипнуть в очередную историю, мальчик таки вернулся к дому проповедника. Но, прежде чем коснуться дверной ручки, он в который раз напряг голову: если Нина тоже умерла, то объяснение этому может быть только одно – кто-то чужой залез в дом и лишил хозяев жизни, если только они не перегрызлись между собой. Джеймс представил, как на его голову обрушивается тяжёлый стальной топор, едва она пересекает порог. Снова повторяется история с некрополем, и снова нужно взять себя в руки, что Джеймс и сделал после долгих колебаний. Он осторожно вошёл внутрь, где его чуть не вырвало от мерзейшего запаха разложения. В остальном, жилище у проповедника оказалось немного лучше родительского: кровати выглядели достойно, и, несмотря на темноту и скромную утварь, внутри дома было, в целом, тепло и уютно. Нигде не найдя второго его обитателя, Джеймс метнулся к лежащему на кухне телу – нужно было понять, от чего он всё-таки умер. С большим трудом перевернув окоченелый труп на спину, мальчик начал толкать его к падающему из окна свету.

Горло проповедника было разорвано. Джеймс, переживший не одну зиму, слишком хорошо знал природу этой раны – нападение собаки. Но если собаки и впрямь загрызли проповедника, а дочери удалось сбежать, почему же она не позвала никого на помощь, неужели голодная тварь настигла её раньше? Сладковатая, но гниlostная вонь трупа начала вновь закрадываться в ноздри Джеймса, пока тот злился на самого себя за неспособность выяснить, что произошло на самом деле. В отчаянии он стал рыться в карманах холодного как лёд проповедника, благо глаза у трупа были закрыты, от чего он казался не таким страшным. Найдя огниво, Джеймс зажёл жировую лампу на обеденном столе, и уже с ней заново осмотрел дом. Пришлось тоже закрыть глаза и спросить себя, откуда следует начать поиски, ещё бы понять, что именно надо искать.

«Будь я собакой или взломщиком, проник бы через открытую дверь», - разумно предположил Джеймс.

Но дверь, без сомнений, была заперта, когда через неё вошли, об этом говорила вырван-ная с гвоздями задвижка. Итак, собака была не одна, а с хозяином, который выбил дверь, а потом... цепочка событий обрывается. Джеймс не видел себя в роли заумного изобличителя, сказать по правде, он считал себя весьма недалёким в сравнении со сверстниками. И куда его теперь понесло, спрашивается. Зачем он залез в чужой дом, обобрал чужой труп, и чего ради извергает из своей дурной головы какие-то домыслы относительно смерти проповедника. Он рассматривал пол, сидя на кровати, и пол ничего ему не говорил.

«Кроме того, что его недавно подмели. Вон, песок по углам рассыпан, и у стен его много. Очень небрежно подметали, второпях».

Джеймс всё это знал, потому что сам часто орудует веником, вот только он всегда потом выметает песок и грязь, ведь это его дом. А здесь, похоже, убирался незванный гость. Внезапно Джеймса осенила мысль, заставившая его отодвинуть кровать, на которой он сидел: если глаза его не обманывают, взломщик расчищал дорожку от порога до спальни, куда и направился пока его собака делала грязную работу.

- Так и знал, - прошептал Джеймс, освещая пол.

Под кроватями обычно скапливается много пыли, порой настолько много, что ею можно заполнить целый кувшин, но под этой кроватью пыли не было. Вернее сказать, она была везде кроме того места, где что-то лежало, и это что-то явно тащили. Вот, значит, куда запропасти-лась Нина – взломщик похитил её, а на месте преступления осталась лишь крохотная тряпич-ная кукла. Но кто мог? Грешным делом, Джеймс подумал на старосту и других владельцев собак, но в толк не мог взять, зачем бы им это понадобилось, да ещё в разгар весны, а не в голодную осень или зиму. Сердце тревожно забилося, стоило Джеймсу понять, что всё это могло произойти лишь вчера, наверняка во время пожара, который устроил...

- Эдвин, - задув фитилёк лампы, Джеймс скорым шагом направился к дому задиры и поджигателя с намерением вытрясти из него правду, даже ценой отбитых почек, ежели дойдёт до драки.

Собрав всю наглость в кулак, он постучал им в дверь дома, пусть и не без мысли о злове-щем топоре над головой. В окне мелькнуло лицо матери Эдвина; захлопнув ставни, она крик-нула Джеймсу чтобы тот убирался, а на вопрос об Эдвине сказала, что сын ещё не вернулся

домой – вот и всё, что удалось из неё вытянуть, хотя Джеймс не очень-то и старался. Должно быть, скверный нрав – это у них семейное. Во всяком случае, теперь хотя бы известно, где Эдвина нет, а мест, куда он мог пойти, не так уж много. На речке в это время дня слишком холодно, он там не бывает, в городе небезопасно...

- Дурак, - упрекнул себя Джеймс, - надо было сразу идти к амбару! Наверное, сейчас камни свои ищет, гад. Ну конечно, с чего б ему ещё не идти домой на ночь глядя? Мать тоже хороша, заперлась как... не знаю кто, лишь бы сына не искать. Гады вы все, слышите?

Джеймс уже и не помнил, когда ещё так злился на кого-то, вот разве что на дядю. Последняя их встреча как будто бы произошла чертовски давно, об обратном напоминал только свежий шрам на руке. А меж тем, догадка по поводу амбара оказалась верна, там явно кто-то шастал, и Джеймс не сразу решился подойти поближе. В сгущавшихся сумерках нечёткий силуэт вызывал опасения, так что подобранная с земли палка пришлась очень кстати. Но, к счастью, под стеной амбара сидел не взрослый, а Эдвин, как и предполагал Джеймс. Это был момент триумфа для забитого и незначительного мальчика, и он это знал.

- Потерял что-то? – спросил он вкрадчиво. Сидевший на корточках Эдвин свалился от неожиданности, но быстро встал, с достоинством отряхнувшись.

- Я то? Ничего, а ты что тут забыл?

Джеймс немало удивился растерянному голосу Эдвина, но настрой не потерял. Не досуг ему сейчас отвлекаться на такую ерунду.

- Да вот... вернулся проверить, все ли камни я забрал. Знаешь, не хочется, чтоб весь амбар провонял твоими грязными ручонками.

Разъярённый Эдвин было двинулся на Джеймса, но острый конец палки быстро прижал его к холодной стене амбара.

- Признавайся, ты амбар поджёг!

Пока Джеймс восхищался тем, как красиво он молвит, когда уверен в себе, Эдвин напомнил ему об их разнице в силе и возрасте, вырвав из рук палку и ударив тупым концом прямо в живот. В разгоревшейся борьбе за палку, пусть и не долгой, мальчишки нечаянно столкнулись лбами, и в этот момент Джеймс со всей силы заехал коленкой по «сокровищам» Эдвина, прямо как учил его дядя.

- Признавайся, а то глаз выколю! – едва ли, конечно, Джеймсу удалось бы попасть прямо в глаз, ведь ночь уже опустилась на деревню. И не скажешь, что прошёл уже целый день.

- Тебе-то какое дело, уродец безымянный? – Эдвин стоял на четвереньках, держась левой рукой за живот, теперь он лёгкая мишень. – Решил старостой заделаться, так пойдёшь к чёрту! Ну, я поджог, а что? Всё равно все подумали на мага...

Здесь Джеймс чуток ужаснулся тому, какое удовольствие он вот-вот получит, выплеснув на преступника последствия его действий.

- Так чего ж ты тут трёшься, ежели все на мага подумали? Неужто совесть разыграла, али страх быть пойманным? Так вот, сообщаю последнюю новость: пока там внутри овёс горел, проповедника-то нашего убили, а его дочь украли!

- Бред несёшь, заткни пасть!

- Бред?! Сейчас всем про тебя расскажу, вот и посмотрим, кто бред несёт!

С этими словами Джеймс круто развернулся и побежал вниз по улице, к дому проповедника, с расчётом увлечь Эдвина за собой. Увидев труп, этот прыщ уже не отвертится, думал Джеймс, ускоряясь по мере того, как шаги за спиной становились громче. Боясь споткнуться в темноте, оба пацана бежали вприпрыжку до тех пор, пока совсем не выдохлись, но было это уже рядом с часовней; окружавший её пятачок был пуст, и до нужного дома предстояло пройти ещё примерно двадцать мучительных для запыхавшихся детей шагов в обход этого участка земли. И вот, скромное, практически невидимое за часовней, жилище проповедника вновь предстало в обличье склепа, и мальчишки чуть было не разминулись со святым отцом. Последнего пыталась тащить за ногу огромная псина, но руки, судя по всему, застряли в проходе.

- А ну прочь! – вскричал Джеймс, отгоняя собаку. – Пошла отсюда, раньше надо было, он уже как камень...

Эдвин тоже бросился защищать труп, используя всё ту же палку, ею же было решено подпереть дверь, на случай если собака вернётся, хотя она так быстро убежала. Странно, Джеймс был готов поклясться, что уже где-то видел этого здоровенного пса, но никак не мог вспомнить.

«Да потому, что пехотинец не стоит даже одной несчастной капли...»

Как только слова кузнеца всплыли у него в голове, Джеймс наконец-то всё понял. Ну конечно, истина же всё это время была как на ладони, но до него только сейчас дошло очевидное. Какой позор, ведь он мог бы уже спасти Нину.

- Да... да кто мог сотворить такое? – голос Эдвина дрожал, он, как и Джеймс, упрямо не желал открывать глаза на правду.

Сжав кулаки от обжигающей злобы, Джеймс произнёс с горечью:

- Приблуда, кто же ещё? Больше никому.

Спасти Нину – такие громкие слова, такая дерзкая идея, совершенно не подходящая даже для целой оравы крестьянских сынов. Как их ни построй, всё равно это будет лишь кучка незрелых молокососов, которым повезло дожить до своего возраста, разумней было бы просто позвать на помощь взрослых вместо того, чтобы идти к похитителю самим, как поступил Джеймс. Однако он и так уже потерял чересчур много времени, шатаясь туда-сюда.

- Ну с чего ты взял, что это Магнус её похитил, ты что, свечку держал? – допытывался Эдвин по дороге к дому пехотинца.

Вконец разгорячённый Джеймс вдруг остановился, и чуть не заехал Эдвину в глаз указательным пальцем.

- А кто тебя надоумил амбар поджечь? Готов поспорить, бородач тебе снова голову морочил своей чушью, а ты и повёлся!

- От меня-то ты чего хочешь? – опешил бедняга Эдвин, ещё ни разу он не видел этого недомерка таким бойким. – Зато... зато он со мной как с равным говорит, а на тебя даже не посмотрел ни разу.

Джеймс в последний миг удержался от того, чтобы начать рвать на себе волосы. Ему с трудом верилось, какими вероломными могут быть взрослые, и какими глупыми всё это время были они, дети.

- Да чтоб вы все сгорели.

Произнесённое в сердцах проклятие успокоило Джеймса, и остаток пути он преодолел молча, готовый к любым трудностям. А в доме Магнуса горел свет, правда очень тусклый, одна жалкая свечка у верхнего окна. Собак не видно и не слышно от того, предположил Джеймс, что их отвлёт усиливающийся аромат мяса с душиком. Перед тем, как переступить высокий порог, двое беззащитных детей обменялись, возможно, последними в своей жизни словами:

- Ну что, заходим внутрь?

- С какого перепугу мне туда идти?

- Вдвоём не так страшно. И это ведь ты заварил эту кашу, а значит должен помочь.

- Ишь раскомандовался. Ну идём, чего б не зайти, в самом деле...

Поддев крючок рыбьей костью, Эдвин отворил дверь, болтавшуюся на петлях словно заледеневший флаг. К слову, уже с порога стало ясно, что весь этот дом пронизывает ночной холод, и не знал он тепла очага как минимум целую неделю. Темно и страшно было в доме на отшибе, мальчишкам приходилось выставлять вперёд руки, Джеймс уже хотел было предложить двигаться наощупь вдоль стены до самой лестницы, как вдруг вспомнил об огнive проповедника. Высекая искры, он осматривался вокруг пока не нашёл парочку свечей в красном углу дома, где покоился символ веры всех честных людей от предгорий до восточного берега моря – Антиохская Роза, вернее её масляное изображение в железной рамке. Мать говорила, что бутон этого цветка огненно-красный, но в назначенный час лепестки окрашиваются золотом. Жаль, что предназначенные для молитвы свечи пригодились для такого мрачного дела.

Дальше носа ничего не было видно, горячий воск стекал на пальцы, а в густом мраке что-то трещало и постукивало, но что именно – непонятно. С трудом удалось установить, что помещение напротив входа занимает кухня, и, вероятно, там же расположен и погреб; стало быть, спальни находятся наверху. Искушение проверить сначала погреб вытеснил страх быть в нём запертыми, выход-то всего один. Тогда дети осторожно прокрались к лестнице, откуда доносился загадочный стук. Собственно, Джеймс и Эдвин старались прислушиваться к каждому шороху в доме, тщетно боясь услышать что-либо кроме порывов ветра за окном, в то

время как внутри самого дома единственными источниками шума были они сами... и та штука у лестницы.

Подойдя почти вплотную к первой ступеньке, мальчишки в ужасе отпрянули, едва не обронив свечи, а вскрикнуть от испуга они не смогли потому, что дыхание у них перехватило. Основание деревянных перил было всё исцарапано тем, что мальчишки изначально приняли за ужасное чудовище – то были два взрослых скелета, чьи рёбра переплелись – они застыли у подножия лестницы в странной позе, будто пытались взобраться наверх; тошнотворно белые кости вцепились в перила, от пальцев тянулись пять бороздок на видимой стороне деревянной балки. Черепа, впрочем, повернуты назад, от чего создавалось такое впечатление...

- Они на нас смотрят, - едва слышно прошептал Эдвин.

Джеймс догадывался, кого видит перед собой, а ещё он понимал, что нужно намотать сопли на кулак, если он хочет спасти Нину.

- Н-не говори е-ерунды. Поднимайся наверх, только... только медленно и задом-наперёд... чтоб не скрипеть.

- Я думал, так только спускаться надо.

- А, верно. Из головы вылетело.

Всего две скрипучие ступеньки имелись на пороге почти каждого дома в деревне, кроме самых бедных, и оба пацана мастерски умели передвигаться по ним без лишнего шума, так родители реже наказывали их за ночные побеги, когда после работы оставались силы играть. Поднимаясь, нужно чуть наклониться вперёд, упираясь носком в дальний конец проступи, где она соединяется с подступёнком, только не спеша. Насколько бы бесстрашными ни казались эти двое, ступая в кромешной тьме по дому с привидениями, обернуться они не смели, потому как были абсолютно уверены в одном – стоит им отойти подальше, кости скелетов застучат вновь.

Вторая комната слева, та самая, где горела свечка у окна. Стали бросать жребий, кому остаться сторожить лестницу, а кто пойдёт вперёд. Обе задачи одинаково важны, но оставаться в темноте не хотелось никому, и всё же получилось так, что остаться пришлось Эдвину. Потопив Джеймса, он принялся нести свою одинокую вахту, готовый в любой момент перемахнуть через перила и бежать за помощью, даже вслепую. Не сказать, что Джеймсу повезло больше, ведь если ему придётся бежать через окно, на улице его вполне могут поджидать собаки, от них он Нину защитить не сумеет, даже если найдёт её в этом кошмарном месте. В нужной комнате до сих пор горит свет, Джеймс с удивлением обнаружил, что свет этот греет его пальцы ног. Беглый осмотр двери выявил одну интересную деталь: похоже, что засов на ней раньше принадлежал той, что с крючком, то есть парадной. Нина точно там, подумал Джеймс, зачем ещё приколачивать сюда тяжёлый засов, только ради пленницы. Железяка была тугой и ржавой, пришлось распрощаться с догорающей свечкой чтобы сдвинуть её. Дверь со скрипом открылась... но в комнате не оказалось никаких источников света, точнее сказать, тёплый жёлтый огонёк, который мальчишки видели в окне, парил рядом с ним в воздухе, без всяких ламп и свечей.

Справа от огонька на кровати сидел скелет ребёнка. Недвижимые руки тянулись к стуску пламени, тщетно пытаясь согреться, а слабеющий от страха Джеймс мог поклясться, что мгновением ранее череп скелета не был повернут ко входу. Но всё это было неважно, ведь в тёмном углу комнаты съёжилась живая дочь проповедника, опрокинутая тумбочка отделяла её от кровати и от того, что на ней сидело.

- Нина, иди сюда, - подозвал её Джеймс, однако девочка уходить не спешила. Нет, эту барышню придётся вытаскивать силой, уж слишком она напугана, к тому же, целый день сидела тут без еды и воды, и, вероятно, ослабла. Она и без того очень хрупкая обличьем.

- Он ещё здесь!

Слова эти Нина выдавила из себя громадным усилием воли, и тем самым спасла Джеймсу жизнь. Из самой дальней комнаты выскользнул рыжий свет лампы, а в следующую секунду необъятная тень кинулась на Джеймса, и захлопнула дверь прямо у него перед носом. До сих пор Джеймс не осознавал, сколь устрашающим может быть человек, обладающий габаритами Магнуса. В полумраке его глаза полностью скрывались в тени бровей, и становились похожи на пустые чёрные дыры, а зубастый рот, казалось, парил во тьме бороды, выговаривая страшные слова будничным тоном.

- Пехота – в этом слове для меня слилось пять лет тяжёлого горя и лишений. Пять лет, в течение которых я добывал себе кусок хлеба как королевский подданный, я прожил буквально впроголодь и никогда в ту пору не чувствовал себя сытым. Голод был моим самым верным спутником, который никогда не оставлял меня и честно делил со мной всё моё время...

Слова лились изо рта Магнуса подобно бурному водопаду, и говорил он будто бы с самим собой. У Джеймса не было времени выяснять, оправдывается ли похититель перед ним, или же просто сходит с ума, лишь спасение Нины имело значение. Вот только, что может противопоставить сопливый мальчишка взрослому мужчине, к тому же солдату? Огромная ручища наотмашь ударила Джеймса, и он отлетел к лестнице (где Эдвина уже и след простыл), и при падении разломал старую балясину. Медленно надвигаясь на Джеймса, Магнус полностью загородил собой проход, он уже вытащил меч из ножен, когда Джеймс нашёл в себе силы встать. Заострённый обломок балясины было неудобно держать, в отличие от меча, который с лёгкостью мог пронзить Джеймса насквозь. Он мог запросто сбежать вниз по лестнице, обогнать неповоротливого Магнуса и, возможно, ещё раз попытаться вытащить Нину. Вместо этого Джеймс, как полный идиот, бросился на Магнуса, намереваясь протаранить острой деревяшкой. И всё же, теперь не только с его скулы капала кровь.

Странное, необъяснимое ощущение – оружие, погружающееся в чужую плоть, разрывающее ткани, царапающее кость. С превеликим ужасом Джеймс осознал, что только что совершил – он ранил взрослого, и это уже не шутки. К сожалению, он промазал мимо бедра, и угодил балясиной в жирное брюхо Магнуса, не причинив ему этим особого вреда. А тот, со словами «мой черёд», схватил Джеймса за руки своей громадной ладонью, воткнул меч в потолок, а затем поддел свободной рукой рёбра Джеймса, и начал тянуть. Вскричав от невиданной доселе боли, мальчик сперва попытался вырваться, но очень быстро осознал, что разумней всего продолжить толкать балясину вперёд, хотя пальцы Магнуса грозили оторвать ему рёбра быстрее, чем деревяшка смогла бы нанести фатальную рану. Эта ужасная пытка длилась вплоть до того момента, когда дверь в комнату с Ниной вновь распахнулась, и из неё вылетел тот, кого Джеймс меньше всего ожидал увидеть.

- Дядя Нед!

Пришедший на выручку дядя не церемонился: не тратя время на болтовню, он осыпал ошеломлённого Магнуса градом тяжёлых ударов по лицу. Джеймс вовремя отошёл в сторону, иначе пламя от упавшей лампы перекинулось бы на его одежду. Магнус был прижат к стене, до меча было не дотянуться, зато балясина по-прежнему торчала из его живота, ей-то он и попытался защититься. После неудачной попытки врезать дяде Неду окровавленным поленом, оба взрослых схватились за него, но только дядя мог из такого положения нанести удар ногой. Завладев оружием, дядя Нед ловко приложил им Магнуса по его лысой башке, от чего тот кубарем покатился вниз по ступенькам. В наступившей тишине даже кости не стучали.

- Он умер? – робко спросил Джеймс, выведя наконец Нину из комнаты, окно в которой было разбито.

Дядя Нед покачал головой.

- Пока ещё нет. Ещё дрыгается, но это поправимо. Хорошо, что ты держался так долго, я уж боялся, что не успею.

- Спасибо вам, - проговорила Нина слабым скрипучим голосом.

- Не меня благодари, а своего друга. Это он сказал, где вас искать.

Станным образом, Джеймсу было очень приятно вновь увидеть знакомое лицо в таком страшном месте. Присутствие дяди дарило спокойствие и уверенность. Теперь, наверное, всё уже позади.

Глава 7

После того как Магнуса связали и заперли в погребе, Джеймс предложил похоронить бывших хозяев, Эдвин его поддержал, и даже уговорил Вольтенекса помочь. Маг на удивление плохо переносил домашнюю пыль, и поэтому остался на улице вместе с детьми, доверив охрану Магнуса дяде Неду. Копая могилу, Джеймс подумал, что в будущем вряд ли найдётся лучший момент чтобы спросить, почему они с дядей вернулись. Вольтенекс в свою очередь тоже задался вопросом, с какой стати ему нужно что-то говорить этим соплякам, и всё же они застали его в хорошем настроении, а Вольтенекс на самом деле любил поболтать.

Свой рассказ он начал с внесения ясности по поводу Магнуса и его прошлого. Во время долгих странствий, целью которых был поиск юных чародеев, Вольтенексу пришлось зайти на территорию графства Кастома, не так давно принявшего участие в междоусобице соседей с юга. Разумеется, он ожидал столкнуться с нелицеприятными последствиями войны, но ситуация со здешними детьми оказалась по-настоящему критической: с начала года в каждой деревне бесследно исчезали минимум двое детей, люди сетовали то на волков, то на мифических существ, огров, например. Не обойдя и дюжины поселений, Вольтенекс сложил в голове мозаику из слухов и свидетельств немногих очевидцев, и все они были едины в одном: в злосчастных деревнях останавливался Магнус из Лесного Пояса. Дабы изловить негодяя, маг обратился за помощью к авантюристам, и среди них довольно быстро нашёл нужного человека, Неда Мониканского, в узких кругах известного как Гроза пехотинцев, он-то и пролил свет на личность Магнуса.

Суеверные крестьяне не были далеки от истины. Все те пять лет, что Магнус воевал на стороне южан, он вёл образ жизни закоренелого людоеда. Как бывший глашатай покойного (жестоко растерзанного озверевшей толпой) графа Кентека, он обладал языком без костей, и ему ничего не стоило обмануть несмышлёных детёнышей перед их пожиранием, которому всегда предшествовали долгие и мучительные... невообразимые пытки. Можно сказать, Нине очень повезло. И вот, когда на след Магнуса удалось напасть спустя месяц поисков, дядя Нед заверил Вольтенекса в том, что схватить эту добычу можно лишь застав врасплох, чего, по мнению самого Магнуса, сделать было нельзя, как ни старайся. Однако, благодаря совместным усилиям, преследователям таки удалось подготовить сцену для очередного злодеяния, и заставить его потерять бдительность. Покинув деревню, Вольтенекс и Нед разделились: дядя вернулся обходным путём в Вокиал, а маг остался дежурить на дороге – так они оба узнали о пожаре в деревне, и поняли, что Магнус начал действовать. О дальнейших событиях детям было известно, ведь они сами принимали в них участие. Вольтенекс кончил свой рассказ как раз вовремя, ведь мальчишки уже вырыли могилу и заметно вымотались, на их счастье Нина вышла на улицу с полным кувшином воды.

- Что вы с ним сделаете? – мрачно спросил Эдвин.

Вольтенекс же мрачен не был. Он сидел на принесённом из дома стуле, и беспечно протирал зрительные стёкла, словно думал о погоде или успешной торговой сделке.

- Повесим, что же ещё... или ты хотел бы его отпустить, после всего, что он натворил?

Насупившись, Эдвин ответил кратко:

- Ничего из этого я не видел.

В ответ Вольтенекс мог только покачать головой. Он также избавил детей от необходимости прикасаться к костям хозяев дома: прошептав что-то нечленораздельное, маг неспешно переместил по воздуху всех трёх членов семьи из дома прямо в могилу, используя для этого повелительно воздетые руки. С сосредоточенным видом он водил опущенными ладонями точно кукловод, покада все кости не улеглись в широкой яме, закапывать которую пришлось его юным ассистентам.

- Думаю, теперь можно перейти к оплате, - деловито произнёс маг после окончания работы. – Скажу сразу, твоя доля будет чуть побольше моей.

Он обращался к Джеймсу. Так как он тоже принимал участие в этой миссии, оговорённая ранее сумма должна быть выплачена как можно раньше. Джеймс не понимал, о чём он говорит.

- О твоей матушке я говорю, - объяснил Вольтенекс. – Всё-таки у нас появился материал для её лечения, и я охотно им воспользуюсь... с разрешения его дочери, конечно же.

Нина дала понять, что не против спасения одной души за счёт брэнного сосуда другой, чем немало шокировала своих друзей. Хотя Джеймс испытывал трепет перед таинственной магией Вольтенекса, был признателен ему за проявленное великодушие, однако рассчитывать на его искренность было бы слишком наивно. Дабы не возиться дольше чем необходимо, Вольтенекс повёл своего мула к дому проповедника, где сразу же приступил к изготовлению целебного зелья, об ингредиентах которого можно было только догадываться. На спине мула он вёз причудливые склянки, книги, порошки и субстанции; половину всего этого добра не без помощи детей выгрузил на обеденный стол, затем попросил хорошенько отмыть котёл на кухне и разжечь очаг.

- А теперь выметайтесь и ждите за дверью. Я позову, если вы понадобится, но это маловероятно.

В доме проповедника была только одна дверь, и мёрзнуть за ней не хотелось никому. Ребятам удалось уговорить Вольтенекса пустить их в спальню в обмен на обещание не подсматривать, впрочем, вскоре выяснилось, что премудрый маг намерен корпеть всю ночь. Дабы не навредить своим спасителям новых проблем, Нина отпустила их восвояси, да не с пустыми руками – каждому вручила по куску хлеба из личных запасов. И думать не хотелось, по какой причине ей вообще понадобились личные запасы.

- Эй, давай освободим Магнуса.

Внезапное предложение Эдвина прозвучало уже на перекрёстке, где расходились их с Джеймсом пути, видать, не только в прямом смысле.

- Ты совсем больной? – спросил его Джеймс, и, не дождавшись ответа, задрал свою рубаху чтобы продемонстрировать раны и синяки от ногтей Магнуса. – Сам его спасай, если так хочется, а с меня довольно.

Только он обрадовался, что больше не надо ни на кого злиться, как Эдвин сморозил эту несусветную чушь – спасти Магнуса, того самого, который пожрал многих детей, и чуть было не прикончил их подругу.

Каждый ребёнок в деревне уверился в том, что опасности миновали, и спать теперь все будут спокойно, насколько это вообще возможно после пожара и возвращения авантюристов. Не спал только Джеймс, который посреди ночи вернулся к дому Нины, подслушивать её с магом разговоры – не хотелось оставлять их наедине, зная о намерениях Вольтенекса. Он как раз объяснял девочке суть своих трудов, и, как догадался Джеймс, это для него не впервые.

- Рецепты некоторых зелий, как, например, этого, рождаются на полях сражений, где недостаток материалов компенсирует изобретательность. Так создатель данного эликсира обнаружил, что в телах погибших от магии людей эссенция души кристаллизуется под воздействием остаточного заряда магической энергии... что такое эссенция души? На данном этапе могу сказать лишь, что это не то, о чём ты подумала, а пока вернёмся к нашему эликсиру. Так вот, легко догадаться, что чем ожесточённее было побоище с участием в нём магов, тем чаще находились эти жемчужины в том, что оставалось от людей, если вообще оставалось. И вот, перед мудрецами прошлого встал вопрос: как же сотворить магический компонент из, так сказать, не магического кадавра, ведь для каждого зелья нужен хотя бы один такой компонент, будь то корень мандрагоры или пересоленная лягушачья икра. Ох, у тебя не голова, а репа. Очень многие вещи в этом мире полны магии, но только рождённые с волшебным даром могут их изучить, понять, и использовать. К примеру, ты вот не знаешь, как и когда мигрировать на Юг, а утка знает, причём с рождения, и ясно видит дорогу туда.

У Джеймса уже начинали замерзать уши и руки, но он терпеливо сидел под окном и слушал лекцию Вольтенекса, как если бы сам был чародеем, и Нина тоже наверняка с интересом впитывала все эти чудные слова, лившиеся из уст мага.

- Некоторые... чародеи (назовём их так), одно время даже содержали целые фермы для создания этого эликсира в больших количествах, но те времена прошли, отныне мы используем только готовые материалы. Видишь ли, в полевых условиях приходится часто экспериментировать, и то, что я сейчас делаю, является результатом одного из таких экспериментов. Читая заклинание в уме или вслух, учёный пропускает через себя магическую энергию, при этом эффект, оказываемый на тело, напрямую зависит от сложности заклинания, но что если не дочитать его до конца? Это называется магическим выплеском. Проще говоря, я накачиваю тело твоего отца энергией прерванного заклинания, как если бы отпивая воду из бутылки, я разбил её камнем, чтобы вся вода вылилась, не достигнув горлышка. Когда я завершу выплеск, эссенция души обязательно кристаллизуется, но учти, что опоздай мы хотя бы на день, пришлось бы использовать останки этого негодяя, что тебя похитил. А мне бы этого не хотелось...

К сожалению, или же к счастью, Джеймс уже очень сильно замёрз, и поэтому решил вернуться домой. Впрочем, ему было довольно и того, что он уже услышал. Как бы ни пугали его фокусы Вольтенекса, магия всё равно виделась как нечто прекрасное и крайне притягательное. Джеймс втайне надеялся снова увидеть тот сон про чудесную страну, где магией полнится каждая травинка, каждая капелька утренней росы, а синева ночного неба напоминает глубокий, необъятный океан.

Но вот бледный рассвет скользнул в окно спальни, и с криком петуха все сны тут же забылись, словно их и не было. Перевернувшись на другой бок, Джеймс поспал ещё немного, а когда проснулся вновь, моментально вскочил с кровати. Большой неожиданностью стал вид из окна: лицо Эдвина, так и просящее, чтобы перед ним захлопнули ставню, с любопытством разглядывало чужой дом.

- А тебе чего мать так долго дрыхнуть разрешает? Быстрей на холм беги, там уже все собрались! – с этими словами наглый пацан исчез, оставив Джеймса с неодолимой тревогой в сердце.

Он обнаружил свою мать на кухне, уснувшую прямо за столом – видимо, ей уже совсем плохо, подумал Джеймс. И только убедившись, что она действительно жива, он впопыхах оделся и выбежал из дома. Названное Эдвином место располагалось на юго-западной границе деревни, на том холме рос могучий старый дуб, достаточно высокий чтобы вместить под самой нижней ветвью кого-то вроде Магнуса. Так и есть, пехотинец стоял под той самой веткой, на бочке, в окружении авантюристов, Нины и Эдвина.

- А ты не спешил, - заметил Вольтенекс. – На, держи свой эликсир, подмешай его в еду или питье матери, и сразу уложи спать. Главное – сам его не пей.

«На тех фермах не было детей, - догадался Джеймс, принимая склянку. - Он просто-напросто не знает, что произойдёт со мной, если я выпью эту жидкость».

Деловито прокашлявшись, дядя Нед напомнил об одном важном предприятии, намеченном на это утро.

- Похоже, никто больше не придёт посмотреть на казнь. Ну что же, думаю, обвинение лучше зачитывать мне, а почтенный маг пускай приговор огласит.

- Я согласен. Не особо затягивай только, формальности опусти. Мы и так задержались в этой паршивой дыре.

Даже если бы освободить Магнуса хотел не только Эдвин, детям не оставалось ничего другого, кроме как беспомощно слушать данное ему последнее слово, которое дядя Нед был вынужден повторить, потому как у самого Магнуса попросту не хватало сил. Он сказал, что ему не стыдно, ведь он южанин.

- Оглашается приговор Магнусу из Лесного Пояса, командиру седьмого батальона армии графа Кентека. За похищение сорока шести детей с целью употребления в пищу, за многочисленные разорения фермерских хозяйств и торговых лавок в четырёх графствах, за убийство служителя церкви...

Нед кивнул Вольтенексу.

- Именем Принцессы... смерть.

Мощным пинком дядя Нед выбил бочку из-под ног Магнуса. Петля вокруг его шеи затянулась, ноги отчаянно задёргались в воздухе, тщетно пытаясь найти опору, которой могла бы стать спина Эдвина, не следи за ним маг. Связанные за спиной руки бились о широкую спину Магнуса, пока он шумно задыхался с пеной у рта. Эдвин отвернулся чтобы не видеть гримасу казнённого, но уши он заткнуть забыл – страшный скрип пеньки ещё долго будет преследовать его в кошмарных снах, в этом он был уверен. Следивший за ним Вольтенекс лишь неопределённо покачал головой.

- Один милетский философ однажды сказал: невинность ребёнка растворяется в капле крови.

- В чём мы убедились, - улыбнулся дядя Нед, взглянув на ошеломлённые лица детей. – А этот жалкий фрукт наглядно показал, что преступление само по себе является инструментом позора и возмездия...

Неожиданно для всех ветвь дуба обломилась от веса Магнуса, и тело его рухнуло на землю, подобно жалкому фрукту, коим его обозвали.

- Проклятье, упал всё-таки. Вольтенекс, не вешать же его снова, помоги лучше. Помилуй, он же весит как сто коров.

Недовольно закатив глаза, маг попросил всех отойти подальше. Эдвина пришлось удерживать за шкуру – хотя Магнус был уже мёртв, он рвался помочь.

- **Aus.**

Стоило магу произнести заклинание, как тело Магнуса вмиг охватил рыжевато-чёрный столп огня. Пламя вздымалось яростно и шумно, но при этом не излучало никакого света, лишь удушающий жар сопровождал его короткую жизнь. Вскоре огонь растворился, а на месте трупa осталась лишь выжженная земля. Первым опомнился дядя Нед, он не глядя отстегнул с пояса флягу и отпил из неё.

- Знаете, от этого жара мне жутко захотелось пить. Медовухи?

Нина вежливо отклонила предложение, а Джеймс даже не успел его обдумать, как флягу с напитком протянули Эдвину. Он сразу попытался выбить флягу из руки Неда, однако тот слишком крепко её сжимал.

- Думал, я позволю пролить на себя выпивку, пацан? Нам пора, Вольтенекс, забирай свою девчонку и в путь. А ты, Джеймс, позаботься о матери, моложе-то она всё равно не станет. Да, и не смей ходить за нами, еды на тебя не хватит.

Прощание с будущей женой получилось скомканным. Поблагодарив ребят за помощь, она поклонилась им, и побежала догонять мага. Джеймс не думал о том, что видит её в последний раз, он вообще ни о чём не думал в тот момент. А вот у Эдвина настроение было прескверное, он стоял и метал молнии из глаз вдогонку авантюристам.

- Вот, значит, почему отец не вернулся в этом году, - сквозь зубы пробормотал он. – Я отомщу. Клянусь, отомщу.

Джеймс не отважился высказать Эдвину, за что могли казнить его отца, ведь в руках он по-прежнему сжимал драгоценный пузырёк, отданный магом. Небольшая склянка с серовато-розовой жидкостью медленно и безопасно отправилась к родительскому дому. Мессу отменили, поэтому всё время до ужина пришлось работать в поле с другими пахарями. Несмотря на неутраченные тревожения по поводу здоровья матери, к вечеру Джеймс благополучно влил волшебный эликсир в её суп. В склянке остался неприятный аромат глины. Да, прошлой ночью Джеймс уверился, что Вольтенекс не яд варил в котле, но страх перед плачевным исходом всё равно не отпускал его сердце. До самого утра мать ворочалась во сне. Джеймс не мог определить, лихорадка ли причиняла ей такие страдания, или же действие эликсира – надо полагать, всё сразу. Единственное, что он мог сделать, так это воззвать к остаткам своей привязанности к этой женщине, и набрать из колодца ледяной воды для примочки.

Не за одну ночь, но матушка выздоровела, как и было обещано бродячим магом Вольтенексом. До следующей весны дела шли в гору, хотя Джеймсу и пришлось навсегда позабыть о собственных планах на дочь проповедника, впоследствии он даже корил себя за подобное отношение к бедной Нине, которая, впрочем, быстро нашла своё место в этой пугающей и непостоянной жизни, чему Джеймс втайне радовался, одновременно презирая своё жалкое существование.

Весной Эдвин укрепил свою дружбу с тремя деревенскими мальчишками, знакомыми Джеймсу по периоду жестоких избиений. Как выяснилось, их отцы тоже не возвратились домой, и теперь, узнав правду об их исчезновении, осиротевшие пацаны тоже жаждут отомстить дяде Неду и всем авантюристам за казни соратников людоеда Магнуса. Слепли от горя, не иначе.

А для самого Джеймса настали тяжёлые времена, времена окончательного взросления. Увы, но чудесное выздоровление его матери не снискало одобрения среди других жителей деревни, напротив, к ним обоим стали относиться как к прокажённым, и даже староста бросал на родительский дом недобрые взгляды, проходя мимо. Более того, соседи умудрились обвинить мага в необычайно тёплой зиме, прошедшей без единой смерти, и на матушку, соответственно, тоже ополчились. Хорошо хоть в городе ко всем деревенским относятся одинаково пренебрежительно, размышлял Джеймс, как-то раз сидя на крыльце. Без друзей порой бывало одиноко и грустно, зато никто его не бил – Эдвин занимался больше своими злокозненными делами, соседи боялись навлечь гнев поджигателя, а рука матери поднималась лишь на беззащитных карапузов, коим Джеймс быть перестал незадолго до кончины отца, и ему было яснее ясного, что окружающие попросту завидуют тому, что маг вылечил только его мать, хотя она далеко не единственная, кто был слаб здоровьем в то время.

Но положил конец круговороту ненависти не Джеймс, а проезжавшие мимо пилигримы. Они держали путь в южную столицу, путь предстоял тяжёлый, поэтому один забывчивый монах решил поскорее наполнить водой свой бурдюк, и пока он опускал ведро в колодец, у них с матерью Джеймса, вышедшей из дома с той же целью, завязался разговор, возможно, решивший судьбу юноши. Монах вскользь упомянул о том, что на полпути к месту паломничества, - Собору Благодетельницы, - стоит монастырь ордена Золотых Лилий, женский монастырь, в котором издревле находят себе пристанище жаждущие встать на путь исправления личности.

Итог этой беседы был таков, что, когда Джеймс вновь увидел свою мать, та уже собирала вещи. Она попросила монаха помочь ей добраться до этого монастыря, и он согласился.

- Глупая, зачем тебе идти с ними, у тебя разве дома нет? – орал на неё окончательно растерявшийся Джеймс. – Что за безумная идея – оставить семью и хозяйство ради чёрт знает чего! Сумасшествие!

Стоявшая на пороге мать обернулась к нему. Она никогда не производила впечатление мудрой или хотя бы не очень глупой женщины, но сегодня на Джеймса глядел сосуд великой мудрости, не иначе.

- Со мной тебе житья здесь не будет, - говорила мать. – Но я не только лишь поэтому должна уехать, я возвращаю долг нашему проповеднику, наилучшим способом из существующих.

Выходит, она узнала правду о природе своего выздоровления, наверняка от соседей, может даже от Эдвина или его матери.

- Как можно бросить своего ребёнка на произвол судьбы? – возмущался Джеймс.

Но мать его снова удивила, ответом столь сокрушающим, что он не нашёл в себе сил парировать его.

- А ты разве ребёнок, и разве нет у тебя дома? В любом случае, когда-то же надо начинать собственную жизнь вдали от родителей, но ведь сам бы ты никогда не уехал. Найди лучше и ты себе прибежище, слугой у графа или крепостным у него же, хотя бы голодным не останешься. А теперь прощай, дорогой. Конечно, ты можешь меня навещать, и я всегда буду рада тебя видеть, но до тех пор возьми, пожалуйста, за ум. Если не ради меня, то ради отца.

Вот значит как. Он помногу раз представлял свой побег из этого захолустья, свою прощальную речь сперва обоим родителям, а затем матери на смертном одре. Как бы Джеймс радовался возможности наконец покинуть отчий дом и выйти в мир, стать кем-то кроме бедного крестьянина, а теперь эта мечта оказалась растоптана. Его как будто бы вздёрули на ветке, несмотря на желание уйти из мира на собственных условиях. Личные мотивы матери обезоруживали, она делала всё правильно, но легче от этого не становилось. Последний ребяческий каприз умер самой уродливой смертью, какую только могла уготовить судьба, и его это злило. Он остался один.

Так закончилось детство мальчика по имени Джеймс. Оно пролетело быстро, но ярких моментов крестьянскому сыну хватит на всю жизнь. Впрочем, долгожданный исход из деревни был лишь вопросом времени, и, меньше чем через месяц после отъезда матери, Джеймс принял окончательное решение по этому вопросу. Близился поворотный момент в его судьбе.

Глава 8

Спустя неделю после ухода матери, Эдвин с друзьями заполучили в свои руки не самую подробную, но пристойную карту графства, и таким образом узнали, в каком из окрестных городов стоит отделение гильдии авантюристов. Планируемый маршрут проходил по той же дороге, что и когда-то пилигримы, с той лишь разницей, что последние на далёкой развилке свернули направо, на Юг, мальчишкам же предстоит идти по дороге строго вперёд, так они достигнут Обйакарама, последнего крупного города, встречающего путников перед восточным берегом моря. Пешком весь путь займёт всего неделю, верхом дней пять. Джеймс планировал прибиться к этой банде мстителей дабы потом тихонько улизнуть вместе с их пожитками; в его понимании Эдвин не заслуживал отмщения, ровно как и его приятели, чьи имена Джеймс не потрудился запомнить. Это вовсе не значит, что воровство и вероломство вдруг стали Джеймсу по душе, однако иного способа взыскать долги за годы унижений он представить себе не мог даже при большом желании. К тому же, в деревне оставаться не было больше сил, последней каплей стала подработка, которую ему предложил староста. Бери поварёшку, он сказал, и выгребай нужники, получишь три медяка за каждый. Желание заработать немного лишних денег было не настолько сильно как отвращение к столь чёрной работе, пацан даже не прикоснулся к разнесчастной поварёшке.

Стоя на могиле отца, Джеймс подбирал хорошие слова прощания, но переполнявшая его обида мешала думать. Так и не найдя этих хороших слов, он решил, что стесняться в выражениях подобает лишь в разговоре с живым человеком.

- Спасибо тебе отец, за то, что ни одно из твоих наказаний не повлекло мою гибель. Матушке я хотел бы сказать те же слова, но едва ли решусь на это теперь. Уж не знаю, пинал ли ты меня вполсилы, или же мать просто была сильнее, я только хотел сказать, что к моему убиению она приблизилась ближе чем ты, и бывало такое не один раз и не два. Но вот тебя пожирают черви... а я живу.

Джеймс подумывал свалить надгробную дощечку, под которой не было никакого гроба, но в последний момент пожалел своего старика – не таким уж и плохим он был, в конце-то концов. Стоило ли Джеймсу вообще благодарить отца за то, что он не убил его, неизвестно, да и не особенно важно. В тот же день Джеймс продал старосте родительскую ферму за кругленькую сумму в четыре серебряника, сложил хлеб с водой в котомку, и направился к дому Эдвина. Из оружия взял с собой топор, хотя, вероятней всего, он пригодится лишь для рубки дров на привалах. Эдвин встретил гостя настороженно, не открывая до конца дверь.

- Деньги принёс? Ну, тогда заходи. Как раз думаем, как их потратить.

Джеймс попал на собрание, проходившее в темноте, и, как будто бы строжайшей секретности. Никто из сидящих за столом не питал к Джеймсу ни доверия, ни симпатии, и запросто мог предложить отобрать у пацана серебряники, но по их суровым лицам Джеймс догадался, кем они себя мнят – поборники справедливости, презирующие разбойников и палачей. Знакомство с Магнусом сильно повлияло на Джеймса, теперь он видел в его почитателях лишь ослепших от глупости олухов, и с нетерпением ждал шанса преподать им заслуженный урок. Правда, на миг его сердце в страхе подпрыгнуло, когда Эдвин заново представил его Биллу, Стаффорду, и Гану, так звали его друзей. А вдруг они действительно решили его ограбить, а он как дурак зашёл в их логово?

Опасения развеяли появившаяся на кухне мать Эдвина и развёрнутая им карта.

- По Старому тракту сможем пройти спокойно, увалы скроют от любопытных глаз, - говорил Эдвин, тыча пальцем в пергамент.

- Дык мы тоже никого не увидим, - вставил Ган. – Этот отрезок извилистый, давай просто срежем его.

- Хочешь попасться?

- Да всё равно ж придётся ночью идти, кто нас увидит-то?

Эдвин пустился горячо объяснять, как авантюристы узнают о ком-то, опрашивая, на первый взгляд, случайных путников, и как важно застать их врасплох. Джеймс кожей чувствовал, что ему тут не место, и по правде сказать, уже хотел смотаться больше, чем надуть доморощенных мстителей. Ещё раз хорошенько всё обдумав, Джеймс незаметно отступил в тенёк, чтобы оттуда посмотреть на лица тех, кто напрочь позабыл о злодеяниях Магнуса, и теперь готов сражаться за своих отцов, которые в своё время и пальцем не пошевелили чтобы наказать людоеда. Должно быть, они были сообщниками, все эти пехотинцы, разрази их гром. Хорошее ли дело – обмануть и обокрасть таких жалких глупцов, ввязавшись в их грязные делишки, помогая в охоте на своего спасителя.

- Эй, ты! – позвал Джеймса Эдвин. – Выкладывай деньги на стол, нам нужно расходы подсчитать. Щас мать позову...

- Не нужно, я умею считать, - перебил его Ган. Джеймс только сейчас заметил, что взгляд у этого заговорщика более сосредоточенный чем у других.

В близком свете лампы Ган неспешно отчитал ровно пять с четвертью серебряников. Видимо, он был одним из тех детей, кто не спал на занятиях у проповедника, неужто он теперь винит дядю Неда в их внезапном окончании? Нет, он явно просто такой же дурак как Эдвин, подумал Джеймс.

- На запряжённую повозку нам хватит, - вдумчиво бормотал Ган, - а вот на остальные траты... нет, так не получится. Осёл стоит два серебряника, правда он будет идти слишком медленно со всеми нами за спиной, да и подозрительно мы будем смотреться, шибко заметно. Но если купить лошадь, то в город мы приедем вообще без гроша в кармане. И вот не надо мне предлагать купить вторую лошадь, вот не надо! Я всё сказал, с радостью послушаю других.

- Продадим повозку, - тут же предложил Эдвин. Вот и выявились два мозга операции, а Билл и Стаффорд, стало быть, больше по части членовредительства, раз сидят молча.

- Так мы ж не знаем, кому её продать, и продадим ли вообще! Надобно думать наперёд.

- Да что тут думать, всё же просто!

- Это как же?

- А вот так – вы втроём ежайте вперёд, а мы с уродцем пойдём следом, по пути ещё еды раздобудем.

Мстители согласовали этот план между собой, после чего немедленно приступили к его выполнению, действуя по одному. Джеймс догадался, почему они не взяли еду из амбара – по той же причине они ничего не украли в день пожара, хотя запросто могли бы свалить пропажу на пламя. Они всё ещё боялись покидать деревню, родителей, кров, и именно по этой причине приготовления делались в жуткой спешке, и кончилась она тем, что еду с собой взял только Джеймс, в то время как мозговитый Ган захватил один бурдюк с водой, в итоге пришлось так же спешно делить запасы хлеба. Солнце уже садилось, мальчишкам некогда было спорить, хватит ли этого на дорогу, и все надежды легли на сноровку Эдвина.

* * *

Крохотная повозка на четыре деревянных ящика, гружёная мстителями, со скрипом двинулась прочь из деревни. Оставшиеся двое прождали час, бросили прощальный взгляд на родные лачуги, и ринулись вдогонку, захватив при этом с собой минимум еды – наивному Джеймсу грезились невиданные городские деликатесы, Эдвин тоже этим грешил, однако ему хватило ума предупредить Джеймса о том, что Обьякарам находится в семи днях пути от деревни, а запасов провизии хватит лишь на три, поэтому воду придётся беречь, а при случае пополнять у источников.

Никем не замеченные, двое юношей растворились во мраке ночи. Они шли на восток, к древнейшему и крупнейшему из всех городов этой части королевства Нерей, правда величие его было столь неочевидным, что всем казалось, будто его и вовсе нет. Ещё бы, ведь в этот город испокон веков стекались беженцы с Юга и Севера, в основном нищие как церковные мыши, и такие же голодные. Благодаря процветающему промыслу рыбы и других морских гадов, за три столетия Обьякарам здорово разросся в длину. Протекающая через него великая река Феникс разделяла не только жилища людей, но также и размеры кошельков. Дело в том, что Феникс бежала по равнинам с горных вершин, и оттуда же несла с собой золото и драгоценные камни. Когда-то Обьякарам был богатейшим городом и столицей королевства, но ничто не вечно – дары гор сильно истощились за последние сто лет, город быстро превратился в лоскутное одеяло из убогих трущоб и вполне сносных кирпичных жилищ, а юные заговорщики как раз направлялись в самый бедный из его районов. Впрочем, старая поговорка гласит, что даже на дне выгребной ямы можно найти золото.

Нетерпение, - как и следовало ожидать, - быстро заставило Эдвина переменить позицию касательно срезания пути через увалы. Как и говорил Ган, дорога сильно петляла, и перемещение по обрамлявшим её возвышенностям представлялось удачным решением, ровно до той минуты, когда налетел жестокий степной ветер, из-за чего пришлось сойти обратно на тракт. На третий день пути увалы остались позади, по левую руку уже синели горы, а Джеймс впервые за всё время подал голос.

- Сдаётся мне, они нас просто бросили, а сами уехали куда глаза глядят. Хотя, чего это я, они бы так поступили, отдай ты им оставшиеся деньги, иначе какой смысл оставлять тебя и твои хитрые замыслы...

Эдвин упорно игнорировал испытующий взгляд своего спутника, но не мог не признать, что его тоже беспокоит этот поход. И так вера в друзей была подорвана, и усталость дала о

себе знать: ноги наливались тяжестью покруче плуга, голодные боли становились всё менее терпимыми, а желание согреться возобладало над здравым смыслом, если так можно назвать упрямую веру в то, что где-то там их ждут.

Ледяной поток реки Феникс прорезал открытые всем ветрам равнины, от чего ночные привалы становились всё суровее по мере приближения к городу, хотя вблизи реки произрастало много полезной зелени, до которой, впрочем, было ещё далеко. Еды не хватало, а жалкие порции лишь дразнили желудки мальчишек, разговоры которых были редки, и сводились к одной и той же теме, мучавшей их последние несколько дней. Нет, говорил Джеймс, чтобы один или два раза наесться до отвала, дабы не голодать всю дорогу, однако такой еды в деревне, к сожалению, не водилось. Полторы буханки чёкрстого хлеба, одна вяленая рыба, да неприкасаемый бурдюк с живительной влагой – пока воды реки не покажутся на глаза, пить разрешается лишь на ночных привалах, и то немного. Ещё тяжелее дела на равнинах обстоят с обогревом, и причины вполне ясны. Хорошо быть кочевником, носящим всё нужное с собой от места к месту, но горе тем глупым юнцам, что впервые сунулись в этот неприветливый край, ещё и без должной подготовки. Они не сожгли топор лишь потому, что боялись нападения волков.

* * *

Прошла ровно одна неделя с долгожданного побега из деревни. Ядовитые наставления матери забылись, забылась и цель путешествия через эти мрачные пустоши, голод сводил мальчишек с ума. Но вот заходящее солнце высветило силуэт городской стены – она тянулась по всей линии горизонта, одним своим призрачным видом давая понять, насколько крошечным был, есть и будет Вокиал в сравнении с колоссом, что ждёт за этой стеной. Эдвин подавил нестерпимое желание броситься к городским воротам, и Джеймса остановил заодно; сейчас лучше побережь силы, сказал он, и подождать наступления темноты, и лишь тогда предпринять попытку проникнуть туда.

Две башни стерегли ворота. Эдвин и Джеймс не могли ждать пока у дозорного кончится смена, нужно было действовать быстро, и незаметно, и для этого они нарвали столько повсеместно растущего ковыля, сколько смогли, и нацепили друг на друга, надеясь таким нехитрым способом размыть собственные силуэты. Факелы у ворот светили ярко и не давали приблизиться даже ползком, и если уж перелезть через стену, то где-нибудь подальше. Так бы и мёрзли всю ночь двое ходячих кустов, если бы не острый глаз Джеймса: углядев тёмное пятно на стене, он побежал к нему на четвереньках, словно животное, а Эдвину ничего не оставалось кроме как последовать за ним.

- Ты чего убежал-то?

Кулак Эдвина уже взмыл в воздух, но Джеймс даже не обратил на него внимание.

- Плетень, - прошептал он. – Плетень закрывает пролом.

И действительно, кто-то взял кусок малой изгороди и прикрыл им дыру в большой. Сама дыра скорее предназначалась для животных, нежели для людей, ведь в ширине она значительно уступала плечам взрослого мужчины, а высшая её точка едва доставала Эдвину до колен, что не помешало ему начать делать подкоп. Менее чем через пять минут они оба перебрались на другую сторону, где почти сразу наткнулись на каменный дом с деревянной крышей. Судя по наличию второго этажа, хозяин явно зажиточный, у него даже нашёлся подвальный люк,

запертый на замок. Не веря своей удаче, парни немедленно воспользовались отсутствием уличного фонаря рядом с домом. Джеймс пожертвовал свою рубашу ради общего блага: он обмотал ей замок, чтобы хоть как-то приглушить невероятный шум, который раздастся с минуты на минуту. Эдвин, как самый сильный, взвалил на свои плечи сбивание замка топором. По его просьбе Джеймс достал огниво, положил немного ковыля на замок и поджёг его. Звук от удара точно разнесётся по всему городу, опасливо предположил Джеймс, и Эдвин наверняка сломает заодно и деревянные двери люка, но теперь уже ничего не поделаешь. Хорошенько прицелившись, Эдвин с размаху обрушил обух топора на навесной замок, скреплявший несчастные двери, и, разумеется, наделал очень много шума, но то был один единственный удар – эхо от него стихло так же быстро, как пронеслось по тёмным переулкам. Замок был сбит, но парни отнюдь не спешили залезать внутрь дома, наоборот, они сиганули обратно в дыру, и оттуда стали ждать каких-либо признаков того, что их услышали. Затаив дыхание, они ждали пока не устали ждать, пока их желудки не возопили: «Еда и кров совсем рядом, а на шум никто не сбежался, никто даже слова не сказал, бегите и берите!» Двери люка оказались очень тяжёлыми, но в конце концов отворились без скрипа. Взломщики по-прежнему освещали себе дорогу подожжённой травой, ведь в темноте с лестницы можно было легко упасть, да и закрытый изнутри люк блокировал холодный свет луны.

И только оказавшись внутри подвала Джеймс осознал одну важную деталь, напрямую затрагивающую его личную миссию: они с Эдвином ни много ни мало грабят чей-то дом. Совсем не так Джеймс представлял себе жизнь мстителей, и происходящее ему совсем не нравилось.

- Отец говорил, что воров отправляют на каторгу, - бормотал он встревоженно. - Мы будем работать пока не умрём от жары... или от жажды? Нет, всё-таки от жары...

Страх перед наказанием был вполне оправдан, в конце концов, они никогда раньше не были в этом городе, и не знают его обычаев, вполне может оказаться, что ворах здесь отрубают руки или даже головы. Впрочем, едва Джеймс представил их с Эдвином жалкую и безвременную кончину, как в нос ударил чарующий аромат чужих припасов, и тотчас же отогнал все страхи и сомнения. В свете дорогой на вид масляной лампы Эдвин расстелил на полу весь оставшийся ковыль (а осталось его немало), чтобы на нём можно было сидеть, затем развернул платок, в который была завёрнута, наверное, самая чудесная жареная птица из всех. К ней присоединилась рыба и бутылочка вина.

- Копчёный окунь и утка, - восторженно потирал руки Эдвин, перед тем как втянуть носом едкий аромат из откупоренной бутылки. – Великолепно, просто великолепно.

Присев вокруг угощения, парни жадно набросились на него. Занятые утолением голода, они напрочь забыли о взаимной неприязни, о холоде подвала и хозяине дома, громко храпевшем у них над головами.

- Жри медленно, а то живот лопнет, - посоветовал Эдвин, приканчивая последний кусок утки, в то время как Джеймс уже вгрызлся в свиной окорок величиной с младенца.

- Не учи учёного, - Джеймс передал окорок, а взамен взял бутылку вина. Напиток неприятно обжигал внутренности, но вкус его был столь сладок и необычен, что оторваться было невозможно.

Только утолив голод и жажду, они набили котомки тем, что осталось. Как-никак, в этом городишке ещё трое чужаков нуждаются в сытной трапезе. Эдвин договорился встретиться с ними в ближайшем к воротам трактире, туда и отправилась преступная парочка под покровом ночи, так и не узнав, чей подвал они только что обнесли.

Порядочно захмелевший Джеймс не сразу решил для себя, где ему холоднее, на улице или в подвале, зато одно он знал наверняка – ещё одна бутылка позволит забыть все пережитые в дороге лишения, пусть они и были ненамного суровей простого неурожая.

- Что это за пчелиные ульи, Эдвин? Неужто люди живут в таких домах? – нескромно поинтересовался Джеймс, обратив внимание на местную архитектуру.

Эдвин огляделся по сторонам: на высоких каменных основаниях всюду гнездились похожие на ящики деревянные строения, судя по всему возведённые кое-как и без чёткого плана. Достраивались они, очевидно, по мере надобности, а о надёжности таких жилищ было страшно даже подумать, не то что заикнуться.

- Так мы в трущобах, - дошло наконец до Эдвина, и на душе у него сразу полегчало. Наверняка жертва ограбления была не одна, и все те яства, возможно, принадлежали разным семьям, проживающим в том доме. Джеймс подумал о том же, и его успокоила большая вероятность того, что жильцы начнут подозревать друг друга а не чужаков. Но сам факт взлома и кражи ничуть Джеймса не тяготил, как не тяготит домашних мышей съеденное зерно.

* * *

Искать трактир пришлось недолго, запах конского навоза привёл ребят куда нужно. Убедившись, что в конюшне стоят именно их осёл с повозкой, они пересекли порог питейного заведения. Раздававшийся за дверью гомон мигом стих, но стоило Эдвину и Джеймсу выйти на свет, посетители сразу вернулись к своим разговорам. В трактире царил густой полумрак, и гуще всего в нём были тени, прорезающие рыжий свет фонарей, висящих тут и там. К величайшему облегчению Эдвина, Ган и остальные быстро нашлись за стойкой, они молча обменялись с Эдвином многозначительными кивками и поднялись наверх. На оставшиеся деньги было решено снять комнату на ночь, трактирщик даже потрудился втащить туда лишний тюфяк, чтобы Джеймсу было на чём спать, кровать-то была одна. Эдвин передал Гану котомки с едой, и почти сразу лёг спать. Надо сказать, для Джеймса это был странный опыт – лечь спать с полным желудком, да ещё и после бутылки вина, но он уже надеялся, что следующая ночь будет такой же, если не лучше.

Глава 9

Никогда ещё не вставал Джеймс в такое позднее время. Он проснулся от далёкого звука, который никогда прежде не слышал – то была часовая башня, расположенная в центре города, и стрелка часов только что пробил полдень.

- Поднимайся, мы продали повозку! Да поднимайся же ты, а не то платить заставят! Умойся и выходи на улицу.

Эдвин расталкивал его ногой, но не из-за особого отношения, просто руки его были заняты свежим хлебом, купленным в булочной. Хлеб этот сделали из пшеницы, он-то и был тем городским деликатесом, о котором мечтал Джеймс, и теперь он принял ясные очертания.

Путь до города оказался не самым лёгким, а до отделения гильдии ещё топать и топать, вот и родилась у Эдвина блестящая идея устроить настоящий отдых, каким тешит себя любой из местных, едва разжившись деньгами. К счастью, торговец, купивший повозку, подсказал мстителям, где можно повеселиться.

- Если двинетесь в направлении часовой башни, - пересказывал Ган, - упрётесь в шалман «Бойкий козёл», или «Пьяный козёл», как его называют завсегдатаи. Лучше не покидать нам бедный район, до поры до времени. Пусть думают, что мы простая шпана.

Никто не видел, как Джеймс закатил глаза. Не переодеваясь из своих деревенских обносок, мальчишки всей оравой высыпали на улицу, и двинулись вперёд, не сворачивая. Обйак-рам казался Джеймсу светлой, оживлённой и приветливой версией Вокиала, хоть и вполонину не такой чистой. Из узеньких переулков, разделяющих «пчелиные улы», несло помоями и чем-то ещё куда более отвратительным, неестественным. Впрочем, грязь грязью, а масштабы города не уставали поражать воображение: мощёная дорога лениво змеилась вдоль жилых домов и скромных лавочек, заканчивалась она только на торговой площади в самом центре Обйак-рама, но ребятам, опять же, не нужно было так далеко заходить. Прямо посреди дороги выросло внушительное заведение, едва ли походившее на шалман, скорее уж бордель. На проржавшей скобе над входом качалась вывеска с изображением сердитого козла, отпивающего из большой кружки.

Они устроили себе настоящий праздник, даром что без причины, и как будто бы даже забыли о своей мрачной миссии. Не успевала кружка Джеймса опустеть, как её заново наполняли пузырящимся элем, то же происходило и с тарелками: на них то и дело возникали всё новые шматы мяса, хлеба, сыра, а также маринованный лук. Конечно, звон медяков не мог не привлечь тех, кто был бы не прочь потратить их на себя – на счастье парней, ими оказались девушки, работавшие в том «шалмане», весьма расчётливые и не прыгающие выше головы. Пока они кокетничали с юными посетителями, хозяин деловито протирал стаканы, украдкой поглядывая, как там за столиком идут дела.

У Джеймса дела шли не слишком весело для окружающих, но сам он едва ли мог пожаловаться на что-либо кроме внезапной потери контроля над собой. Эля было так много, и он был таким прохладным, что Джеймс и не заметил, как тело его начало неметь, сознание рас-

творяться в веренице запахов и доселе неизвестных ощущений, среди которых было женское плечо. Дама сама обвила вокруг себя жилистую ручонку Джеймса, ещё только неделю назад покинувшего родительский дом. Все остальные тоже были навеселе, поэтому Джеймс не глядя отсыпал пару залежалых медяков за кружку пива для своей новой подруги, после чего, совладав с заплетающимся языком, поведал животрепещущую историю о своих приключениях в доме ужасного огра, безо всякого стыда привирая о своём вкладе в спасение дочери проповедника, опустив такие ненужные детали как участие в нём дяди Неда. Закончилось всё тем, что вконец опьяневший Джеймс схлопотал пощёчину после того как дал волю своим рукам, Эдвин с друзьями хохотали над ним, а затем и вместе с ним. Поняв, что больше денег из ново-прибывших кошельков вытрясти не получится, хозяин погнал ребятню прочь, дальше гуляли уже на улице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.